

ПРЕДИСЛОВИЕ

Усилия всех поколений отечественных и зарубежных криминологов всегда были сосредоточены на выяснении того, какие причины порождают преступность, причем стали выделяться причины всей преступности и причины индивидуального преступного поведения. Уяснение и оценка тех и других, помимо общетеоретической значимости, преследовали очень важную практическую цель — доказать необходимость сосредоточения профилактической деятельности государства и общества на конкретных криминогенных факторах. Назывались и такие причины, которые носят общечеловеческий характер, например, В.И. Ленин считал, что таковыми главным образом являются нужда и нищета широких масс трудящихся. Правда, при таком понимании причин преступности остается не ясным, почему совершают преступления представители материально обеспеченных групп населения, не говоря уже о богатых людях. Еще менее понятны тогда причины многих миллионов преступлений, совершенных коммунистами разных стран против своих народов (СССР, Китай, Камбоджа).

Не только советские политики и идеологи, но и многие криминологи, не моргнув глазом, бестрепетно писали, что бесправное положение и эксплуатация большинства в классовом обществе, основанном на частной собственности, являлись той силой, которая неизбежно и закономерно вовлекала это большинство в конфликт эксплуататорами. Стремясь преодолеть или, скорее, подавить возникающие конфликты, господствующие классы якобы определяли зависимости от складывающейся обстановки, что именно является преступным.

Это писалось не в 40–60-е годы жесточайшей цензуры, идеологического пресса и суровых расправ с любым свободным словом, а в середине 80-х годов, когда активно развенчивались коммунистические иллюзии, а людей потрясали оглушительные данные о ленинско-сталинских репрессиях. Они унесли, по разным источникам, от 20 до 40 миллионов человеческих жизней. Воистину юриспруденцию можно назвать третьей древнейшей профессией.

Так называемые классики марксизма-ленинизма считали задачу ликвидации преступности вполне решаемой и связывали ее с уничтожением эксплуатации человека человеком. Очень оптимистичен был и В.И. Ленин. Он писал: «... мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут “отмирать”». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать.

С их отмиранием отомрет и государство». Никаких доказательств для подтверждения столь важного прогноза В.И. Ленин, конечно, не приводил, поскольку исходил из общей концепции построения коммунизма, при котором все будут счастливы и довольны и причин для совершения преступлений попросту не будет. Нетрудно заметить, что он видел их причины исключительно во внешних обстоятельствах, игнорируя личность и все то, что тысячелетиями аккумулировалось в ней. Иными словами, не будет средовых стимулов, не будет и реакций в виде преступного поведения. Этот существенный теоретический изъян — игнорирование личности и вульгарно социологический подход к ней — стал родимым пятном всей советской криминологии.

Исследование причин преступности в криминологии началось в СССР после ее воссоздания в 50 и 60-е годы. Их изучение прошло несколько этапов. Вначале просто отрицались какие-либо внутренние причины и считалось, что она порождается капиталистическим окружением. Потом к этому суждению добавилось утверждение, что наше сознание отстает от вполне благополучного социального бытия. Но, конечно, были отдельные смельчаки (А.Б. Сахаров, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский и др.), которые указывали и на те социальные факторы, которые изнутри производят преступность. По понятным причинам это делалось осторожно, даже очень.

Особое место среди работ, посвященных причинам преступности в СССР, занимает монография И.С. Ноя, который постарался доказать, что поскольку в социальной жизни Советского Союза отсутствуют конфликты, порождающие преступное поведение и преступность, то основную роль играют биологические факторы. Никаких эмпирических доказательств И.С. Ной не приводил по той простой причине, что никогда не осуществлял необходимых для этого эмпирических исследований. Противники И.С. Ноя тоже не располагали конкретными материалами по той же причине. В целом это была не научная полемика между сторонниками и противниками биологических теорий, а пустой, ни к чему не обязывающий и бесплодный для науки спор, поскольку ничего нового в нее не вносил. И та, и другая сторона ограничивались приведением лишь общих соображений о влиянии биологических факторов на личность и ее поведение, оставляя преступников в стороне. Между тем науке требуются конкретные исследования.

Проблема причин преступности может быть поставлена на двух уровнях: почему вообще существует преступность, почему она возникла и почему она вечна; почему существует преступность в данной стране, точнее, почему в этой стране таково ее состояние, таковы ее динамика и структура.

В российской криминологии последних лет внимание специалистов сконцентрировано на выявлении и объяснении экономических, нравственных, политических и иных явлений и процессов, порождающих и поддерживающих высокий уровень преступности в России. При этом соответствующие суждения, как правило, отличаются глубиной и аргументированностью, приведением многочисленных эмпирических и иных данных, результатов выборочных исследований. Еще в советское время был достигнут немалый прогресс в познании причин индивидуального поведения, его механизмов и мотиваций, роли бессознательного.

В целом мы имеем неплохие итоги исследований причин преступности, которые опираются на прочную доказательственную базу. Однако они еще недостаточны для объяснения того, почему преступность существовала всегда, во всех обществах, даже в первобытных, даже при отсутствии писанных уголовных законов, почему она является неизбежным и неистребимым спутником человечества. Иными словами, необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих, с одной стороны, из природы человека, а с другой — из природы общества, попытаться ответить на вопрос, почему люди всегда совершали и будут совершать преступления, невзирая на то, какими социально-экономическими или иными особенностями отличается то общество, в котором они живут и действуют.

Еще раз подчеркнем, что недостаточно знать, какие социальные причины порождают преступность в данной стране, не менее важно и понимание того, почему вообще люди совершают преступления, т. е. в чем сущность и природа преступности. Но при этом нужно, во-первых, выйти за рамки чисто психологических подходов к проблеме, не отталкиваться только от мотивов и иных субъективных стимулов, однако максимально учитывать такие подходы. Во-вторых, следует изменить и традиционное объяснение преступности только социальными факторами, но в то же время учитывать их во всей генетической полноте. Так еще проблема природы преступности в отечественной криминологии не ставилась и, насколько нам известно, не было этого и в западной криминологической науке.

Причинность в криминологии можно рассматривать на двух уровнях: индивидуального преступного поведения и всей преступности. Но поскольку последняя является совокупностью всех преступлений, то, следовательно, причины преступного поведения должны быть включены в общую сумму причин преступности. Однако причины преступного поведения весьма специфичны и поэтому в данной книге не исследуются: здесь внимание сосредоточено на общесоциальных явлениях и процессах, детерминирующих преступность в целом.

Конечно, всегда нужно видеть человека и общество в их криминогенном единстве. Носителем этого единства в конечном итоге выступает личность, являющаяся объектом неблагоприятных воздействий. Люди совершают преступления потому, что общество и в немалой степени природа всегда (!) формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, можно предположить, что они (не полностью, хотя бы частично) наследуются. Но последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т. д. Фатальна преступность, а не преступное поведение, но сумма таких поведений составляет преступность.

Итак, данная работа посвящена причинам преступности. Авторский коллектив собирал и исследовал теоретический и эмпирический материал в течение ряда лет. Мы не претендуем на то, что все выносимые на суд читателей положения и суждения бесспорны и безукоризненно достоверны, мы лишь надеемся на то, что они интересны, что мы делаем небольшой, но тем не менее шаг вперед,

что наши выводы небезынтересны для практики борьбы с преступностью, особенно для стратегии этой борьбы.

В этой монографии названы, исследованы и оценены те или иные факторы, которые, по мнению авторов, определяют преступность, ее структуру и динамику. Отдельно не выделены собственно причины и собственно условия, но мы постарались сделать так, чтобы читатель сам сделал вывод о том, какие из них более важны, а какие менее. Вместе с тем мы, авторы, не являемся сторонниками теории равноценности самых разных факторов, разных по своей природе и удельному весу.

ГЛАВА I

КОНЦЕПЦИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Понятие преступности и ее вечность как исходные данные для понимания их причин

В советской и особенно постсоветской криминологической литературе высказано так много интересных и обоснованных суждений о причинах преступности, что пересказать, прокомментировать и оценить их нет никакой возможности. Поэтому представляется, что нужно просто высказать свое мнение по этому вопросу.

Прежде всего, чтобы понять причины преступности, следует с достаточной полнотой представить себе саму природу этого явления, в том числе учитывать такую важнейшую ее особенность, как вечность.

Преступления совершались всегда. Даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования историков и этнологов не оставляют в этом сомнений: даже в сообществе дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влекли карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую социальную и психологическую угрозу, в том

числе для самой жизни дикарей, которые, если лишить их собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

То же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически безграмотны и воспринимают уголовные и прочие законы государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, многие из которых противоречат их обычаям, но которым вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и в далекие времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны, само сообщество.

Самые древние уголовные законы (Законник Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумали, например убийство или кражу, они лишь в письменном виде изложили то, что уже давно расценивалось сообществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Могут возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспособлялся к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха и коммунистического СССР. Однако к тем древним законам, которые впервые письменно установили уголовную ответственность за общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе, это по понятным причинам не относится.

Известно, что в древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные нормы, в том числе религиозные и религиозные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали по-существу правовые предписания и санкции за их нарушения. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например, в Книге Исход.

Для подтверждения предположения о наличии преступлений в первобытном сообществе особое значение имеют данные эмпирических исследований, осуществленных Б. Малиновским, который несколько лет в начале XX в. прожил среди дикарей Меланезии.

В деревне, где остановился исследователь, жили три брата, из них старший, глава клана, был слепым. Самый младший брат привык пользоваться этим его недостатком, срывая орехи бетеля с пальм, прежде чем они созревали. Слепой тем самым лишался принадлежащей ему части. Однажды, когда он в очередной раз обнаружил, что его надули, он впал в ярость, схватил топор и, затемно пробравшись в хижину брата, нанес ему удар. Раненый убежал и спрятался в доме третьего брата. Тот, разъяренный нападением на младшего брата, схватил копье и убил слепца. Убийца был посажен в тюрьму на год. В давние времена, в этом были согласны все информаторы Б. Малиновского, он совершил бы самоубийство.

Б. Малиновский отмечает, что ни одно из этих преступлений не играет значительной роли в жизни туземцев. Кража выражается двумя понятиями: *кватату* (буквально «схватить») — незаконное присвоение предметов личного потребления, орудий и ценных предметов, и *вайла'у* — кража пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ ямса, а также похищение свиней и птиц. Если кража предметов личного потребления считается большим злом, то кража продуктов является наиболее позорной для вора. В каждом из этих случаев наказание заключается в насмешках и позоре, которые обрушиваются на виновного.

Убийство случается крайне редко. Б. Малиновскому, кроме вышеописанного, стал известен только один случай убийства: ночью копьем пронзили колдуна, пользующегося дурной славой, когда он скрытно подбирался к деревне. Это было сделано для защиты больного, жертвы колдуна. Кроме того, рассказывают о нескольких случаях убийств за прелюбодеяния, когда виновных ловят на месте преступления, за обиду, в драках и поединках, во время военных действий. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей из другого субклана, существует долг мести, но его можно избежать, заменяя «платой за кровь»¹.

Большое внимание Б. Малиновский уделяет сексуальным преступлениям. Он пишет, что, как и многие другие народы южных морей, меланезийцы очень свободны и раскованы в сексуальном поведении, особенно до вступления в брак. Между тем адюльтер является наказуемым проступком. Величайшим преступлением в глазах местных жителей является инцест в любой его форме. Уже сама идея такого прегрешения, связи между братом и сестрой, наполняет их непреодолимым ужасом. Брат и сестра, соединенные в обществе, где господствует материнское право, ближайшей родственной связью, не могут даже свободно разговаривать друг с другом, никогда не должны друг над другом подшучивать и улыбаться друг другу, а всякий намек на одного из них в присутствии другого считается крайним проявлением невоспитанности².

Б. Малиновский предлагает новое определение права (в контексте рассматриваемых вопросов) как особой совокупности требований обычая и приходит к выводу, что помимо основного деления на право квазигражданское и квазиуголовное, надо различать такие степени права, которые можно выстроить в некоторую иерархию: начиная от основного закона к легально терпимому обычаю и, наконец, к отклонению от закона и традиционным способам его нарушения³.

В первобытном обществе тяжким проступком (преступлением) считались не только такие общеуголовные деяния, как, например, кража, убийство или инцест. Острую реакцию общества вызывали посягательства на запреты духовного и магического характера.

Д.Д. Фрезер дает обстоятельный обзор действовавших в первобытном обществе запретных действий и запретных слов. Нарушение запрета могло вызвать санкции, иногда довольно суровые.

Так, акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь в это время душа может выскользнуть через рот или быть

¹ См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 272.

² См.: Малиновский Б. Указ. соч. С. 328.

³ См.: Там же. С. 277.

извлечена с помощью враждебной магии. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался представившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это, скорее всего, может иметь место во время принятия пищи. Поэтому на такие случаи предпринимались меры предосторожности, которые применительно к верховным правителям достигали чрезвычайной степени. Например, ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смели посмотреть на правителя Лоанго во время еды или питья. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежала его любимая собака, вождь приказал убить ее на месте. Однажды собственный сын вождя, мальчик двенадцати лет, по оплошности застал его за питьем. Отец незамедлительно приказал четвертовать его.

Увидеть за приемом пищи царя Дагомея являлось уголовно наказуемым преступлением.

У дикарей панический страх вызывали женщины во время менструаций (он, скорее всего, порождался кровью как символом смерти. — Ю.А.). Поэтому австралийским женщинам в такой период под страхом смерти было запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с мужчинами по одной тропинке. У индейцев брибри (Коста-Рика) женщина в период менструации пьет из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой.

Строгие табу существовали на лиц, которые лишали кого-либо жизни, в том числе на убийц и даже воинов, убивших врагов. Д.Д. Фрезер полагал, что поводом для обременительных ограничений, налагаемых на победителей в час их триумфа, возможно, является боязнь гнева духов убитых или врагов. Но можно, на наш взгляд, предположить наличие и другой, не менее весомой причины: любое лишение жизни есть безусловное соприкосновение со смертью, она же всегда вызывала особый, ни с чем не сравнимый страх. По этой же причине большинство религий осуждает самоубийство и самоубийц — они входят в непосредственный контакт со смертью, причем по собственной инициативе. Д.Д. Фрезер приводит многочисленные примеры наложения табу на лиц, которые совершили убийство. Так, у индейцев омаха из Северной Америки существовал обычай, согласно которому за родственниками убитого оставалось право предать смерти убийцу, но иногда, соглашаясь принять от убийцы подарки, они от этого права отказывались¹.

«В большинстве племен Мадагаскара произнесение имени умершего родственника считается святотатством, а имени усопшего вождя или царя — еще большим святотатством. Они боятся, что, услышав знакомое имя, дух умершего вернется, а встречи с духами мертвых они боятся больше всего. Только колдун может отважиться совершить такое святотатство, в иных случаях этот проступок карается смертью. Есть даже народы, например, салакава, у которых под страхом жесточайшего наказания запрещается использовать в обычной речи слова, которые составной частью входят в имена усопших царей или имеют сходное с ними звучание. Такие слова замещают специально создаваемыми для этой цели синонимами»².

¹ См.: Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. С. 188–215.

² Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том. М., 1998. С. 275.

В низших обществах, отмечает Л. Леви-Брюль, весьма часто смертные случаи, самые естественные в наших глазах, будучи отнесены за счет действия мистических причин, рассматриваются как случаи насильственной смерти, вопреки самой очевидной, казалось бы, действительности. Так, в Торресовом проливе смерть, последовавшая в результате змеиного укуса, рассматривается обычно как следствие того, что змея подверглась влиянию какого-нибудь колдуна. Туземцам всегда необходима тайная причина. Одна женщина, которая чистила колодец, была укушена в большой палец черной змеей. Через 24 часа женщина умерла. Однако туземцы утверждали, что смерть не была случайной, ибо она указала на одного мужчину как на своего убийцу. На основании этого свидетельства, подкрепленного тем фактом, что рана не кровоточила, муж умершей и его друзья вызвали на суд обвиняемого и его друзей. Мир, однако, был сохранен, ибо сторона мужа признала, что женщина ошиблась насчет личности преступника. Тем не менее, так как укус змеи не мог быть причиной смерти, то обнаружили другого виновника. Точно также поступают и тогда, когда от старческого истощения умирает старик.

Приемы, употребляемые для обнаружения «истинной» (т. е. мистической) причины, соответствуют, естественно, представлению о ней. Обычно прибегают к гаданию, и преступник, избалованный гаданием, немедленно подвергается казни. В Африке, у кафров, во французском Конго и в других частях этого материка, где колдовские процессы особенно часты, общая схема судопроизводства представляется в следующем виде. Сразу после смерти какого-нибудь важного лица или в случае подозрительной смерти вообще собираются родственники, слуги покойного, а иногда и все население деревни, и «доктор» начинает свои магические операции, которые должны обнаружить преступника. Имеются захватывающие картины этих трагических собраний, где самый мужественный человек дрожит при мысли, что указания падут на него и меньше чем в минуту он погибнет как жертва всеобщей ненависти и злобы. Иногда подозреваемый подвергается ордалии: например, он обязан проглотить известное количество яда, так что те, которые готовят эту дозу, наперед решают исход испытания. Л. Леви-Брюль справедливо расценивает подобные приемы как вполне естественные для мистического и пралогического мышления.

В Австралии один весьма распространенный обычай заключается в рытье рва в том месте, где кладется тело покойника, и в наблюдении за направлением, в котором движется насекомое, вырытое лопатой. За его движением все следят с напряженным вниманием: в том направлении, куда ползет насекомое, должен находиться убийца. Сходные приемы обнаружения преступника имеются у многих первобытных народов¹.

Если преступность была и в первобытном обществе, следовательно, она не является классовым явлением, о чем так любили говорить и писать марксисты, тем самым прогнозируя, что ее не будет при коммунизме. Но материальное неравенство не следует считать единственной причиной совершения преступлений, есть и другие, не менее существенные, о которых будет сказано ниже. Между тем

¹ См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 219–222.

неравное распределение материальных благ существовало (и существует) среди дикарей, там были более обеспеченные (элита — царьки, вожди, их приближенные) и менее обеспеченные. К тому же переход от примитивного строя к более прогрессивным формам жизни был весьма длительным, со стойкими переходными периодами, в числе прочих включавшими в себя рабовладение и работорговлю.

Итак, практически не должно быть сомнений в том, что преступность существовала всегда. Этот вывод имеет огромное методологическое значение, поскольку в нем имманентно содержится утверждение, что она, как неизбежный спутник человечества, никогда не исчезнет, чтобы не думали по этому поводу разные создатели «городов солнца». В коммунистической колыбели постоянно звучали успокоительные гимны по поводу блистательного будущего, рисовавшие благостные картинки, в которых, в частности, не было места преступности.

Утверждение, что преступность — исторически обусловленное явление в жизни Общества — пустое сотрясение воздуха, ничего не говорящее. Ее возникновение не связано с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государства.

Итак, преступность существовала всегда и нет никаких оснований считать, что она когда-нибудь исчезнет, преступления совершаются и в самых бедных, и в самых богатых странах. Разница обнаруживается лишь в масштабах, динамике и структуре этого явления, т. е. в ее качественно-количественных характеристиках. Следовательно, причины преступности надо искать в обществе и личности как продукте общества, в конфликтах общества с личностью, во внутриличностных конфликтах. Созидая личность, общество одновременно производит нечто, что неизменно вступает в с ним в конфликт. Последний вечен и непреодолим, при этом ни в коем случае нельзя утверждать, что он, этот конфликт, всегда дает возможность обществу или личности двигаться вперед. Напротив, в подавляющем большинстве случаев (исключение составляют, например, деяния против деспотического государства, расцениваемые им как преступные) преступление тормозит общественный прогресс, часто напоминая людям, что в них осталось очень много от первобытных дикарей и даже от животных с их инстинктами.

Вечность преступности проявляется в вечности и неизменности освоения личностью архетипов, этих единиц коллективного бессознательного. Многие архетипы несут информацию из далекого прошлого, а их теневые стороны могут быть заряжены огромным криминогенным потенциалом. Так, даже Великая Мать одним из своих аспектов имеет страшную богиню Кали, несущую в мир смерть и разрушение. Нет абсолютно никаких оснований думать, что архетипы когда-нибудь прекратят свое существование. Но, разумеется, не только они детерминируют преступность, есть и другие каналы ее питания.

Конфликты между обществом и личностью, конфликты в самой личности (внутриличностные конфликты), тоже порожденные обществом, существовали всегда, их можно назвать постоянными причинами преступности. Они в принципе определяют то, что преступность существует, что она вечна и искоренить ее невозможно, а состояние экономики, образования, нравственности, политического развития общества и т. д. определяет ее состояние, динамику и структуру. Понятно, что чем хуже состояние экономики или нравственности, тем будет выше уровень преступности, общественная опасность совершаемых престу-

плений. Причинно-следственные связи между конфликтами личности и общества, конфликты в самой личности и вечностью преступности, с одной стороны, и между состоянием экономики, образования и т. д. и состоянием, динамикой и структурой преступности — с другой, ни при каких обстоятельствах не являются случайными. Названные связи действуют с неумолимой необходимостью, им не может быть никакой альтернативы. Это объективная данность.

Преступность не равнозначна злу, хотя они во многом совпадают: не всякое деяние, расцениваемое законом как преступление, есть зло, и наоборот. Преступление имеет свои вполне постижимые для понимания основания и истоки, она, как и зло, привнесена в мир человеком. В качестве проявления зла преступность все время находится в определенном соответствии с добром, но опыт человечества, в том числе современный, со всей очевидностью доказывает, что порой преступление очень мощно определяет ход истории и развитие социальной жизни.

Через первородное падение Адама грех вошел в мир, писал С. Кьеркегор. Но так мог бы сказать не только христианский мыслитель. Мифология разных религиозных культур сохранила для нас множество примеров совершения недолжных поступков легендарными предками, из-за чего зло пришло в мир. Но, строго говоря, отсчет преступлений надо вести, конечно, не от Адама, он просто не послушался доброго совета Яхве и уступил давлению Евы, а от Каина, который, как ни странно, был прощен Богом. С тех пор множество каинов без угрызений совести жили в процветании и в свое удовольствие, в том числе совсем недалеко от Эдема.

Преступность выступает объектом правового, криминологического, психологического, социологического, этического, психиатрического познания, каждая из соответствующих наук освещает в ней то, что относится к их предмету, находится в пределах их методологии и возможностей. Но ни одна из них, ни все они в системном взаимодействии не должны претендовать на то, что преступность ими понята до конца и без остатка, что не означает принципиальной непознаваемости этого объекта. Просто все движение к ее глубинам постоянно открывает новые возможности и горизонты. Научный поиск природы и причин преступности будет вестись всегда, но они не находятся в пределах сфер, которые недоступны пониманию и о которых можно лишь строить предположения и догадки, а истинные смыслы и механизмы никогда не откроются разуму. Отсюда следует, что борьба с преступностью вполне в пределах человеческих возможностей, только не надо ставить абсурдную задачу ее искоренения.

Вот почему утверждение о естественности преступности вовсе не должно парализовать деятельность по ее предупреждению. Ослабление усилий в этом направлении способно привести к самым печальным последствиям, таким, например, которые можно было наблюдать в России в середине 90-х годов и которые не удастся существенно преодолеть и в настоящее время. Необходимо признать, что преступность одновременно является и патологией, и нормой: патологией потому, что она резко нарушает этические и правовые установления, нормой потому, что человечество не может и не сможет ее преодолеть! Конечно, под преступностью надо понимать только совокупность (сумму) совершенных преступлений и больше ничего. Нас при этом не должно смущать, что некоторые поступки

исчезают из Особенной части Уголовного кодекса, а другие, часто неведомые ранее, появляются в ней. Это неизбежно, поскольку все время изменяются условия жизни людей, их взгляды на то, за что следует карать по уголовному закону, а за что нет. Но всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбой и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями — это и есть ядро преступности. Наличие такого ядра тоже свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром имеется ее периферийная часть, которая обладает тоже вечным свойством — она постоянно меняется.

Преступность нарушают условия существования общества, его согласие по поводу тех правил, которые регулируют жизнь его и отдельных граждан, способов реагирования на нарушение этих правил. Это максимально сближает преступление, преступность и право. Наличие права, писанного или не писанного, означает стремление людей к организации, а не к хаосу. Кокетливое и глупое суждение о том, что единственной причиной преступности является уголовный закон, препятствует пониманию такой сложной проблемы, как природа преступности.

Преступность — онтологическая реальность, его таким сделало общество, люди, поэтому оно и объект, и продукт уголовной политики. Эта реальность состоит из отдельных преступлений — преступных поведений, которые есть не что иное, как сплав результатов влияний социальных, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов. Хотя преступление и представляет собой продукт и объект уголовно-правовой политики государства, оно, тем не менее, не всегда вольно в решении вопроса о том, признавать или не признавать какие-то деяния в качестве преступных. Например, государство обречено всегда считать преступными убийства, кражи, изнасилования и другие поступки, относящиеся к ядерной части преступности, даже если оно само убивает и грабит своих граждан. Иначе говоря, уголовная ответственность за эти преступления определяет их же природа, точнее — степень их общественной опасности. Так было в древние времена, так будет всегда.

Другое дело, что само понятие убийства или изнасилования менялось в разные эпохи и по-разному представлялось в разных странах. Так, если в рабовладельческом обществе убийство раба или изнасилование рабыни не считалось преступлением, то все равно убийство свободного человека или изнасилование свободной женщины (даже у дикарей) обязательно признавалось таковым. Несколько гипертрофируя, можно сказать, что уголовному наказанию подлежит нарушение самого принципа: «нельзя убивать», «нельзя завладеть чужим имуществом», «нельзя посягать на женскую честь и достоинство», «нельзя предавать Родину (интересы клана, племени)» и т. д. Конечно, не только государство, но и отдельные люди, запрещая преступления, отлично знали, что они все равно будут совершаться.

При всем том, что преступность изменчива и ее составляют весьма отличающиеся друг от друга по своему характеру и степени общественной опасности деяния, необходимо постоянно, не ослабляя усилий, искать ее причины — всей преступности или отдельных ее видов, выделенных по самым разным признакам. Объяснения причин могут быть различными, в том числе неполными и недостаточными, вообще ошибочными, исследователь может оказаться в ту-

пике перед внушительной массой причудливо изменчивых и разнородных явлений. Безуспешность исследовательских попыток можно объяснить неадекватностью применяемых методик, нечеткой или неправильной постановкой вопросов или общей порочностью научной позиции, недостаточностью знаний и т. д., но только не принципиальной непознаваемостью природы и причин преступности. Можно даже реконструировать причины преступности в первобытном обществе, впрочем, слово «реконструкция» здесь не очень к месту, поскольку первобытные сообщества и сейчас достаточно распространены на земле.

Есть ли собственно причины преступности, т. е. такие, которые порождают только преступность (или способствуют только ей в качестве условий), и больше ничего другого? Думается, что таких социальных или психологических обстоятельств не существует, они, наряду с преступностью, детерминируют и другие явления, причем не всегда лишь антиобщественные и не всегда прямо, но и опосредованно. Так было и в первобытном обществе, жизнь в котором только современным людям с вершин прошедших тысячелетий кажется простой и примитивной, а дикарям представлялась столь же сложной, трудной, даже пугающей и враждебной, как и нам наше сегодняшнее существование.

Преступность не есть нечто такое, что синхронно и немедленно изменяется вслед и в зависимости от изменений, которые претерпевают общественные отношения, производительные силы, место человека в социуме и т. д. Новые криминогенные или антикриминогенные факторы порождают изменения прежде всего в периферийной ее части. Однако природа преступности от дней Каина остается незыблемой, поэтому можно говорить о колебаниях и новых явлениях больше в ее структуре и динамике. Устойчивость природы преступности определяется отнюдь не тем, что она детерминируется биологическими причинами, а тем, что социальная структура общества и особенности личности неизменно продуцируют посягательства на уголовный закон. К тому же преступность обладает способностью к самовоспроизводству, что, впрочем, опять-таки восходит к общественным и личностным факторам.

Человек предрасположен к преступлению, как к болезни или смерти, но в силу не биологических, а социальных программ, которые наследуются им по архетипическим механизмам, влиянию на него внешних факторов. О биологической природе преступности не свидетельствует распространенность среди преступников психических аномалий: во-первых, некоторые из них вполне социального происхождения (например, травмы головы на производстве); во-вторых, расстройства психической деятельности можно обнаружить и среди лиц, которые никогда не нарушали уголовный закон. Одним словом, патологии в психике создают лишь предпосылки к преступному поведению, но ни в коем случае не обрекают на него.

Криминология не должна с постоянством попугая твердить одно и то же: преступность социальна, она порождается обществом, она представляет собой разновидность социальных отклонений и т. д., недопустимо ограничивать этим свой научный поиск. Однако именно этим занято множество исследователей, не замечающих, что идут по пути, протоптанному много лет назад, и не желающих проводить эмпирические изыскания. Разве можно, используя лишь социологические результаты изучения преступности и ее причин, объяснить, например,

серийные убийства, в том числе сексуальные, террористические акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних, длительное ведение бродячего образа жизни и ряд других. Между тем социологические объяснения в криминологии продолжают доминировать даже тогда, когда это противоречит элементарному здравому смыслу.

Некоторые так называемые теоретики криминологии, видимо, получают не-сказанное удовлетворение в том, чтобы без конца полемизировать друг с другом, подвергать критике те или иные выводы, подходы и особенно определения, даже невзирая на их давность и утрату актуальности. Найдется мало таких, которые пожелали бы непосредственно участвовать в эмпирических социологических, экономических психологических, психиатрических и иных исследованиях, необходимых для объяснения преступности. Между тем только такие исследования позволяют понять, что такое преступность, каковы связи и соотношения между преступным поведением и преступностью, по каким механизмам осуществляется между ними связь, в чем их причина.

Таким образом, можно говорить о единых интегративных связях между определенными явлениями в обществе и личности и преступностью. Эти явления способны порождать и другие антиобщественные формы, например, самоубийства, проституцию или бродяжничество, но преступность представляет собой наибольшую общественную опасность, оставаясь одним из видов девиантности. В подобной опасности, особенно представленной в ее ядерной части, преступность ни в коем случае не выступает в качестве искусственного конструкта: она намерено никем не создавалась, а формировалась стихийно и самостоятельно на протяжении тысячелетий от самых первобытных времен.

Близость преступности другим видам девиантности указывает на то, что все они порождены примерно одними и теми же факторами (комплексом обстоятельств). Чтобы понять, почему одни люди совершают убийства и разбои, а другие спиваются или кончают жизнь самоубийством, необходимо изучать этих людей, суть их глубинных конфликтов и обществом, и с самим собой, их социальное окружение, их возможности как «человеков», в которых соединяются личность и организм.

§ 2. Отчуждение личности

Отчуждение есть реальность независимо от того, как понимать это явление. Оно носит всеобщий характер, проявляется в человеке по отношению и к самому себе, и к другим людям, и к окружающему миру. Даже Бог есть отчужденное «Я», с помощью которого личность видит себя со стороны, оценивает и принимает решения. Но отчуждение ни в коем случае не есть просто отрицание всего и вся, это не бунтарство, в том числе примитивное. Это — произвольное, спонтанное, стихийное неприятие мира, его базовых ценностей и уход (отнюдь не обязательно физический) от людей; это — постоянное ощущение непреодолимой дистанции между собой и ими; это — восприятие среды и самого себя как чуждых, непонятных, враждебных.

Но отчуждение может быть намеренным, сознательным. В этом случае оно способно быть чрезвычайно опасным, например, при терроризме и массовых убийствах.

В криминологических целях нас в первую очередь должно интересовать отчуждение человека от других людей и морали, в несколько меньшей степени — от труда, производства, результатов, государства, его институтов, хотя и такое отчуждение может иметь криминогенный эффект.

Проблема отчуждения человека принадлежит к числу наиболее актуальных в философии и социологии. Особенно нас должны интересовать те учения, которые могут быть использованы для объяснения природы преступности. К ним относится, например, теория социальной дезорганизации общества, поставленная и глубоко исследованная Э. Дюркгеймом, а затем Р. Меттоном, Т. Селлином и их последователями, среди которых не очень много отечественных социологов. Но, на наш взгляд, эта теория не уделяла должного внимания тому, что дезорганизация в обществе имеет место и по причине разобщения людей, их взаимного непонимания, ухода от общественных идеалов и ценностей. Р. Мертон в связи с причинами преступности отмечал, что не просто бедность и не просто ограничения в возможностях, а навязывание всему населению цели материального успеха, господство единых для всех символов социального продвижения при недоступности или явно неравной доступности законных средств для завладения ими — в этом суть аномии как фактора роста преступности. Таким образом, аномия объясняет не существование преступности вообще, а только ее высокий уровень, который наблюдается в развитых странах, в частности в России.

Аномия выражает также отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, которые позволили бы оценить свое положение, место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблясь (в социальном плане) от нормы до патологии. Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние современного общества. Поскольку оно провозглашает одинаковые для всех цели и ценности, то индивиды, лишённые богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, пытаясь достичь этих целей и приобрести эти ценности противоправным путем.

Как раз в этом можно видеть практически главную причину великого множества корыстных, прежде всего, коррупционных преступлений в нашей стране.

Объявляя преступность и для общества, Э. Дюркгейм считал, что преступление наносит ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов и проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если в сознании человека замолкнут мотивы, побуждающие его к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали его. Люди станут энергичнее реагировать на такие нарушения, будут считать их более позорными. Это приведет к тому, что некоторые нарушения из области моральных проступков перейдут в область деяний, характеризующихся как преступные. С другой стороны, преступное поведение становится таковым не в силу каких-либо присущих данному деянию качеств, а в связи

с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, то само делается более чувствительным, взыскательным и, выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, придаст им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям¹.

Между тем общества, в котором более не совершается преступлений, на Земле не существует, разве что какая-нибудь совсем микроскопическая страна, да и то весьма сомнительно. Так что Э. Дюркгейм на этот счет мог бы быть вполне спокоен. С другой стороны, из его рассуждений следует, что преступность вечна, с чем нельзя не согласиться.

Э. Дюркгейм говорил и о самоубийствах, отмечая, что они «в своем корне определяются отчужденностью, недостаточной близостью общества к индивиду»². В то же время он отмечал, что «аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъекта или против других; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором — убийство. Что касается причин, определяющих направление, в котором разряжаются перевозбужденные таким образом силы, то они коренятся, вероятно, в моральной организации действующего лица. Смотря по степени оказываемого им сопротивления, он склоняется в ту или иную сторону. Иногда эти два проявления происходят одно вслед за другим и представляют собой две стороны одного и того же акта...». Аномичные самоубийства и убийства, по данным Э. Дюркгейма, встречаются преимущественно в крупных центрах и в странах, отличающихся высоким уровнем развития цивилизации. Именно здесь, как он считает, аномия имеет наибольшее распространение.

Аномичные убийства и самоубийства действительно реже встречаются в крупных центрах и странах, отличающихся высоким уровнем цивилизации. Это верно и по отношению к России с ее обширными сельскими регионами. Стоит отметить, что более низкий уровень самоубийств связан с большей религиозностью сельского населения. Убийства же в сельской местности ненамного ниже, чем в городской.

Так как аномия, считал Э. Дюркгейм, вызывает в одинаковой степени и убийство, и самоубийство, то все, что может уменьшить ее развитие, уменьшает и развитие ее последствий. Не следует опасаться, что если ей помешают проявляться в форме самоубийства, то она выразится в большом количестве убийств; ибо человек, оказавшийся настолько чувствительным к моральной дисциплине, чтобы из уважения к общественному сознанию и его запретам отказаться от мысли покончить с собой, — еще с большим трудом решился бы на убийство, подвергающееся более суровому осуждению и влекущему за собой более суровое возмездие³.

¹ См.: Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности (современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 40–42.

² Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. СПб., 1912. С. 345.

³ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 353–354.

Можно согласиться с тем, что аномия действительно может быть почвой, на которой развиваются антиобщественные проявления. Как отмечает А.М. Яковлев, состояние аномии, во-первых, может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения, а также существующие в нем убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют. Во-вторых, состояние аномии может быть констатировано и применительно к отдельному лицу, если оно социально дезориентировано и переживает чувство изолированности от общества¹.

Первое положение весьма характерно для современного российского общества. Отсутствие или ослабление стандартов и убеждений можно встретить и среди отдельных, небольших по численности групп, что, в частности, питает этническую преступность. Что касается криминогенной социальной дезориентированности и изолированности отдельных людей, то они будут существовать всегда в качестве одного из факторов, питающих преступность.

Для нас важно сосредоточить внимание на отстраненности индивидуально-го сознания от коллективного, т. е. отчуждении первого от второго. Коллективное сознание может быть враждебно индивидуальному, оно может стремиться подавить любые нарушения со стороны отдельных индивидов. Конфликт между индивидуальным сознанием и господствующими социальными нормами носит вечный характер. Поэтому и преступность вечна и неизбежна. К тому же некоторые социальные структуры (государственные, гражданские и особенно предпринимательские) оказывают давление на отдельных людей, толкая их, скорее, на путь неподчинения, чем законопослушного поведения. Индивид может быть не согласен с целями, намерениями и интересами общности, которые определяются культурой последней.

Можно выделить следующие аспекты индивидуального отчуждения:

- социальную изоляцию, чувство своей отверженности, непринятие окружающими, в первую очередь наиболее престижными группами, а также представителями противоположного пола;
- бессилие, переживание своей неспособности направлять события и контролировать, что особенно болезненно на уровне микрогрупп и повседневной жизни;
- бессмысленность, чувство непонятности, непостижимости общественных и личных дел, и особенно других людей, мотивов их поступков, их намерений;
- нормативную дезориентацию, необходимость прибегать для достижения своих целей к нравственно неодобряемым средствам, а также непонимание важности и необходимости действующих норм и стандартов;
- культурное отстранение, отрицание принятых в обществе или группе ценностей; самоотстранение, отказ от участия в действиях, которые хотя и служат показателем определенной социальной (групповой) принадлежности, тем не менее, воспринимаются лишь как внешнее давление и не могут принести удовлетворения.

¹ См.: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). М., 1971. С. 13.

Каждый из названных аспектов индивидуального отчуждения может иметь криминологически значимые последствия, но они совсем не неизбежны и не фатальны.

Все эти субъективные факторы могут быть значимы и для анализа причин и природы антиобщественного поведения. Вместе с тем это просто части одного явления, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, культурное отстранение и социальная изоляция могут порождать нормативную дезориентацию. С другой стороны, нормативная дезориентация может усугубить социальную изоляцию и т. д. В то же время каждая из этих модальностей обуславливается и иными причинами. Например, бессилие и бессмысленность в значительной мере могут определяться психическими особенностями личности, ее развитием, социальным статусом и т. д. Разумеется, перечисленные аспекты отчуждения не только не равнозначны, но и не исчерпывают всех сторон этого явления даже на индивидуальном уровне. Наше последующее изложение будет преследовать цель показать все его многообразие.

Отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения¹. Недостаточность координации целей и средств ведет к аномии².

Р. Мертон отмечал, что его соображения о связи социальной структуры и аномии не носят характера морализации. Однако напрашивается вывод, что аномия означает не просто отсутствие координации между целями и средствами, она представляет собой отчуждение личности от этических норм, запрещающих использовать определенные средства для достижения успеха. Если бы такого отчуждения не было, отсутствовала бы и отмеченная выше несогласованность. В целом же концепция отклоняющегося поведения, предложенная Р. Мертоном, не универсальна, потому что он пытается объяснить личным успехом или, вернее, недостижением его все виды отклоняющегося поведения: от «ухода от жизни» до мятежа против существующего строя.

Разумеется, далеко не всегда отчуждение приводит к преступному и иному отклоняющемуся поведению. Оно способно порождать и вполне достойные действия.

Марксизм понимал отчуждение как социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки отчуждения — в частной собственности и антагонистическом разделении труда. Отчуждение выражается в господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктами труда. Маркс и Энгельс пытались доказать также отчужденность социальных институтов и норм от трудящихся, идеологии от жизни, приводящие к формированию у членов общества

¹ См.: Мертон Р.К. Социальная культура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 300–302.

² См.: Там же. С. 312.

такого уровня притязаний и ожиданий, который не соответствует действительным возможностям общества, что нередко вызывает отклоняющееся поведение.

Такое понимание вызывает определенные возражения прежде всего потому, что не только частная собственность и так называемое антагонистическое разделение труда порождают исследуемое явление. Социалистическая форма собственности, при которой орудия и средства производства коллективно принадлежали номенклатуре, также породила антагонистическое разделение труда и отчуждение. Это оказалась не в состоянии изменить достаточно мощная идеологическая обработка населения, которое в соответствующую идеологию просто перестало верить. Отчуждение людей от результатов их труда, от государства и политических и социальных институтов (никакого гражданского общества тогда и не было), наряду с другими факторами, породило девиантные поступки.

После падения советского строя материальное положение людей не улучшилось, качество жизни осталось прежним. Сохранилось отставание от высоких образцов, постоянно демонстрируемых средствами массовой информации. Сохранились и отчуждение человека от государства, политики, орудий и средств производства, следовательно, и аномия.

Исключительное внимание уделяли отчуждению экзистенциалисты М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр. У М. Хайдеггера категория «отчуждение» выступает в виде понятия «нигилизм», означающего всеобщую опустошенность сознания и утрату ценностных характеристик бытия. Высшая стадия нигилизма означает полное и притом совершенно добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с полным осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха. Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, толкуют как своего рода победу человека, поправшего свои иллюзии и решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти. Но это не победа, а лишь примирение с состоянием отчаяния. Оно не осознавалось, а только переживалось как непонятный разрыв сознания. Теперь оно осознается в своем экзистенциальном значении, но это осознание ведет к еще более мучительной безысходности. Саму эту безысходность экзистенциалисты пытаются осмыслить как выход из положения: пассивную правду отчаяния они предложили превратить в активную работу по углублению экзистенциального отчаяния. Предпринимаются попытки объяснить с помощью концепции отчаяния причину преступного поведения как реакцию на безысходность жизни.

Тема отчуждения и одиночества явственно звучит в творчестве Ж.-П. Сартра, более того, она у него доминирует. Его герои по большей части находятся «За запертой дверью» — так называется его самая знаменитая пьеса. Ее действующие лица находятся в гостиничной комнате, где испытывают страшные мучения, однако с мазохистским упорством не покидают ее, хотя дверь не заперта и можно свободно уйти. Другие персонажи Сартра, мучаясь из-за абсурдности своего существования, постоянно ощущают разлад с миром, они тяготеют контактами с людьми и в то же время остро нуждаются в них. Это же остро переживал убийца Раскольников у Достоевского, соединившийся наконец с людьми на каторге. Жизнь, по Ж.-П. Сартру, лишена божественности и полета, людей

не только не привлекает, но отталкивает от себя, вызывая тошноту: «Тошнота» — такое эпатазирующее название дал он своему роману.

Необходимо отметить, что герои Ж.-П. Сартра не отдают себе отчета в том, что отрицательное отношение к миру, людям, нежелание быть с ними очень часто означает бессознательную потребность теснейшей связи с ними же, их исключительное значение для данной личности. Она бессознательно ориентирована только на них, все ее переживания связаны с ними. Отчужденная, она становится ненужной сама себе, но в качестве отчужденной способна вступить в конфликт с обществом, чаще всего своего ближайшего окружения.

Убеждения Ж.-П. Сартра являются обобщением определенного действительного социального опыта. Его концепция человеческого существования служит отражением деформаций жизни в условиях современной цивилизации. Ж.-П. Сартр, разоблачая определенные «иллюзии общности», исходит из анализа действительных механизмов обезличивания и овеществления человека, которые он вскрыл в ходе изучения культуры XX в.; из анализа различных форм инструментальной трактовки индивидов в материальном производстве, политической борьбе или интимных семейных отношениях (брак по расчету, любовь в качестве психотерапии, отсутствие признания, ощущаемое нами на работе и в общественной жизни). Следовательно, Ж.-П. Сартр анализирует явления гомогенизации позиции людей, обособления и «затерянности индивидов в толпе» и одновременно возникновения в их сознании чувства бессмысленности и безнадежности жизни.

Тема отчуждения продолжает относиться к числу центральных в современном западном искусстве. Помимо Ж.-П. Сартра, ее успешно разрабатывали такие крупнейшие мастера, как Т. Манн, У. Фолкнер, К. Гамсун, Ф. Кафка, А. Камю в литературе, М. Антониони, Ф. Феллини в кино. Так, в творчестве Ф. Кафки отчуждение личности, ее одиночество, отсутствие контактов, незащитность, зависимость и унижение, бесчеловечная и бездушная власть государства, ее институтов и бюрократических учреждений вскрыты с исключительной убедительностью.

Эта тема возникла из острого ощущения человеком потери своей индивидуальности, своего внутреннего одиночества в обществе и вместе с тем зависимости от него. Многие работы, посвященные ей, выражают протест против обезчеловечивания личности, растущую тревогу за распад общества на изолированные составные элементы. Например, в фильмах М. Антониони контакты между людьми случайны, непрочны и недолговечны, распад связей возводится в ранг фатальной закономерности, а стремление убежать от одиночества и себе подобных неизбежно оказывается бесплодным.

В произведениях А. Камю, особенно в повести «Посторонний», внешний мир чужд и непонятен главному герою, вызывает у него ощущение призрачности. Он равнодушен ко всему, в том числе к браку, любви, приятельству, служебному и даже сыновнему долгу. Как следствие этого, посторонний видит то, что скрыто для других, не почитает условностей, не лжет и не играет в игру тех, с кем контактирует, пренебрегает лицемерием, из которого соткана мораль формального долга. Он бродит в стороне от людей по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Именно поэтому он вызывает тревогу у других, страх разрушения привычного для них миропорядка.

Герой А. Камю, совершивший убийство, полностью отчужден от окружающих его людей и их нравов, и он действительно посторонний. Он аутичен и не нуждается ни в ком. Он абсолютно одинок, даже на суде воспринимает себя как бы со стороны.

Мысль о тотальном одиночестве и разобщенности людей, об отсутствии взаимопонимания между ними пронизывает и творчество К. Гамсуна. Его герои — это замкнутые в себе монады среди таких же замкнутых монад, затянутых пеленой загадочности и непостижимости. Личность у К. Гамсуна — загадочный феномен, неуютно и неловко чувствующий себя в цивилизованном мире и, подобно героям А. Камю, находящий счастье и свободу в общении с природой, в полном одиночестве. И хотя К. Гамсун в мировой литературе занимает одно из самых видных мест как поэт любви, его любящие персонажи не могут понять друг друга.

Несомненно, эта тема в искусстве Запада, как и у нас, социально значима и актуальна, но исследование ее, независимо от конкретных общественных отношений, неизбежно превращается в констатацию тоски, отчаяния, обреченности, неизлечимой всеобщей «болезни века». Однако тему отчуждения «открыли» отнюдь не в середине XX в. Известно, что Маркс для подтверждения своего положения об отчуждении людей и вещей частной собственностью ссылался на У. Шекспира. И позже великие реалисты (О. Бальзак, Ф.М. Достоевский) анатомировали явление расчленения личности под давлением социальных отношений, в результате чего возникает отчуждение в общественной и психологической сферах.

Многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бездомное существование, занимаются бродяжничеством. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Одиночество и отчуждение от общества и его ценностей формируют особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе, нередко ощущение своей ненужности, выброшенности, неприспособленности к жизни. Такие преступники, в отличие от непроступников, хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Они могут настолько пренебрегать этими нормами, что порой создается впечатление, что они ничего о них не знают. Эти люди очень часто не понимают, что от них требует общество, даже когда это связано с простейшими вещами, например, с заботой о детях. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизненные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Нарушение социальной адаптации часто связано с отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять, а часто просто не понимает их, они не его, они — чужие. У таких людей плохая социальная приспособляемость, поэтому возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабы связи с родственниками, кто часто меняет место работы и жительства.

Об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из них никогда не были женаты (замужем), а если и были, то утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины теряют контакты с детьми. Нет сомнения в том, что у таких лиц вырабатываются особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иногда нелепые, резко выходящие за рамки обычного поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что их преступное поведение внутренне закономерно, субъективно, целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от не преступников, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако многие особенности, так же, как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни, воспитания наполняются тем или иным содержанием, т. е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те, у кого были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Исследование насильственных преступников с помощью методологии Леонгарда-Шмишека, осуществленное автором совместно с Е.Г. Самовичевым в 70-х годах, показало, что для них типично отсутствие эмпатии, умения и желания поставить себя на место другого, идентифицироваться с ним. Это объясняет ту жестокость, часто и особую жестокость, которая проявляется такими преступниками в отношении жертвы. Не только результаты тестирования, но и беседы с конкретными лицами, осужденными за убийства, изучение их жизненного пути, отношений в семье и на работе убеждают в том, что они не только крайне уязвимы и ранимы в межличностных контактах, но и не умеют строить и поддер-

живать такие контакты, т. е. общение для них затруднено. Эта психологическая особенность в дальнейшем была выявлена и у тех, кто совершил изнасилования: неумение устанавливать должные отношения с женщинами тесно связаны с мотивацией сексуальных нападений и является ведущей чертой практически всех так называемых маньяков, особенно тех, которые убивают жертв своей сексуальной агрессии.

Проблемы затрудненного общения в отечественной социальной психологии интенсивно разрабатываются на протяжении последних 30 лет. В социальной психологии предлагаются следующие характеристики субъекта затрудненного общения, которые представляют несомненный интерес для криминологии.

Приведем их в несколько сокращенном виде:

- обесценивание себя, недоверие к себе, людям, миру, поверхностные, непрочные, малоосознаваемые, противоречивые, разобщенные, направленные против людей отношения;
- внешняя мотивация одобрения, достижения, эмоционального обладания, фрустрированность собственной потребностной сферы;
- эмоциональная нестабильность, частая смена настроений, холодность, вспыльчивость, свернутость сочувствия, отчужденность, апатия, преобладание негативно окрашенных эмоций, низкий самоконтроль;
- низкий уровень развития способностей к пониманию другого человека, эмпатии, сензитивности и чувствительности, использованию и пониманию глубоких семантических значений языковых структур, прогнозированию событий;
- робость, замкнутость, неуверенность, необщительность, слабость «Я», безынициативность, беззастенчивость, невоспитанность, ригидность, подозрительность, тщеславие, гипертребовательность, самолюбие, нетерпимость;
- отсутствие умения аргументировать свои замечания, поддерживать контакт и выходить из него, выбирать адекватную форму сообщений, давать обратную связь, стремление больше говорить, чем слушать, перебивать разговор, нарушение социальной и персональной дистанции, симуляция, ложь, угрозы;
- нарушение ролевых ожиданий при нахождении на периферии группы;
- дефицит, незрелость нравственных эталонов;
- фрустрация социальных потребностей, разрыв эмоционально значимых связей, создание внутриличностного напряжения, искажение понимания себя и других, отказ от рефлексии по поводу своей представленности в других, смещение отношений и установок¹.

Разумеется, это обобщенная абстрактная теоретическая модель личности, испытывающей затруднения в межличностном общении. Ее авторы отнюдь не имели в виду преступников, однако названные здесь психологические черты как нельзя более точно описывают именно преступников, главным образом насильственных. Мы не хотим сказать, что среди последних встречаются лишь

¹ См.: *Лабунская В.А., Менджерцицкая Ю.А., Бреус Е.Д.* Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001. С. 59–62.

отчужденные и одинокие люди, полностью выключенные из нормального общения. Даже среди убийц немало общительных людей, не испытывающих никаких затруднений в общении: это, например, те, которые совершили преступления в острых конфликтных ситуациях, при стечении тяжелых психотравмирующих обстоятельств, в семейно-бытовых конфликтах. Преступные действия могут быть лишь эпизодом их жизни, и они нередко характеризуются достаточно хорошо. Но при этом следует понимать, что положительные и даже хвалебные характеристики могут даваться тем, кто испытывает самые серьезные затруднения в общении, но в целом не нарушают нравственных и правовых предписаний.

Обследование преступников с помощью Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), проведенного различными авторами, показало, что для них характерны пики по таким шкалам, как изоляция (отчужденность), импульсивность и ригидность (шкалы 4, 6, 8). Удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан.

Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Выраженная психологическая изоляция преступников, установленная нами, может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т. д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной сензитивностью и чрезмерной стойкостью аффекта. Правильная оценка ситуации затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками. Одиному, замкнутому человеку их трудно разрешить, поскольку он не общается или мало общается с другими, а поэтому не может и не умеет обращаться к ним за советом или помощью. В результате аффект накапливается и может привести к взрыву.

Конечно, одиночество и отчуждение присущи не всем преступникам. Так, среди них особое место занимают расхитители, взяточники и другие должностные преступники. Эти лица по сравнению с другими преступниками являются более адаптированными, приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Одним словом, они очень мало или ничем не отличаются от других людей. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство из них не испытывают трудностей в установлении социальных

контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании. Большинство из них женаты, имеют детей и к семье относятся заботливо.

Одиночество и отчуждение человека может проистекать из разных источников, в связи с чем можно выделить отдельные типы соответствующих фундаментальных личностных состояний. Одиночество как состояние и потребность в нем вырабатываются в результате неблагоприятного воспитания в семье, когда родители эмоционально выталкивают сына или дочь из семьи и они, по существу, растут одиночками, в изоляции от отца и матери, что со временем становится их привычной личностной позицией. Одиночество способно возникнуть в результате длительной болезни, когда ребенок или подросток не только не общается со сверстниками, но, будучи изолирован недугом, как бы вынужден погружаться в себя. Человек может очертить вокруг себя замкнутый круг, чтобы не делиться с другими тем, чем он обладает или думает, что обладает, либо потому, что он самодостаточен, живет только по своим внутренним канонам и ему действительно никто не нужен, особенно если он эмоционально холоден и не способен идентифицироваться с другими людьми. Такими были «великие» преступники XX в. Гитлер и Сталин, самодостаточные и действительно одинокие люди.

Сама природа в содружестве с обществом создала людей в амбивалентном единстве тяготения — отвергания друг друга, стремлении к одиночеству или обязательному объединению. Одни боятся быть отверженными больше смерти, в то время как другие могут существовать только в социально-психологической изоляции.

Э. Фромм писал, что человек по своему происхождению является стадным животным. Его действия детерминированы инстинктивным побуждением следовать за вожаком и находиться в тесном контакте с окружающими его животными. Поскольку мы похожи на овец, для нас нет большей угрозы, чем утратить этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Хорошее и плохое, истинное и ложное — все это определяется стадом. Однако мы ведь не только овцы. Мы еще и люди, наделенные самосознанием и разумом, которые по своей природе независимы от стада. Наши действия могут определяться результатами нашего мышления независимо от того, разделяют нашу истину другие или нет.

Различие между нашей стадной и человеческой природой лежит в основе двух видов ориентаций: стадной и разумной. Рационализация — это компромисс между нашей стадной природой и человеческой способностью мыслить. Последняя вселяет в нас уверенность в том, что все, что мы делаем, удовлетворяет требованиям разума, и именно поэтому мы стремимся показать, что наши иррациональные мнения и решения являются вполне разумными. Но поскольку мы — овцы, не разум является нашим настоящим руководителем; мы руководствуемся совершенно иным принципом — принципом стадной сплоченности.

Двойственная природа мышления, дихотомия разума и рационализирующего интеллекта являются выражением основной дихотомии человека — сосуществующих потребностей в зависимости и свободе.

Мысль о том, что человек является стадным животным, совсем не нова. Но в той же мере она и не точна, и не учитывает всей сложности природы

человека и его отношений с обществом. Действия одних людей (и очень многих, всех людей толпы!) действительно детерминированы потребностью следовать за вожаками и находиться в тесном контакте с окружающими. Однако за свою многотысячную историю человек привык не доверять другим, даже, казалось бы, близким и преданным, поскольку он убежден, что эти другие вполне могут покуситься на его жизнь, здоровье, достоинство, имущество, на его женщин и социальные статусы. Они способны сделать его несчастным и обездоленным, отсюда его эмотивность, подозрительность, недоверчивость, ранимость, агрессия как способ защиты. Поэтому в нем, как справедливо отмечал Э. Фромм, сосуществуют потребности в зависимости и свободе. Одиночество очень часто представляет свободу, которая может быть и иллюзорна.

Преступники не склонны доверять другим, об этом свидетельствует возрастная динамика совершения преступлений в группе: подростки до 70–75% преступлений совершают в соучастии, для лиц старше 30 лет этот показатель вдвое, даже втрое ниже. Еще меньше с возрастом правонарушители доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поддаются их уговорам и обещаниям, а также другим преступникам, в том числе тем, с кем они отбывают наказание.

Итак, те, кто совершает преступления — более одинокие и отчужденные личности. В силу отчуждения они не усвоили социальные нормы, регулирующие поведение людей, не выработали в себе солидарность с ними. Совершая преступления, некоторые из них тем самым защищают свое одиночество, другие — пытаются получить то, чего они лишены как раз в силу отчуждения, третьи — потому, что у них нет привязанностей и они не ощущают ответственности перед кем-либо. Чтобы преодолеть свое одиночество, человек вполне может согласиться участвовать в совершении преступных действий группы, поддаваться ее влиянию. Одиночество иногда начинает внушать страх, повышает тревожность, формирует стремление защитить себя от реальных или мнимых врагов путем агрессии.

Как показывают исследования, среди насильственных преступников велика доля лиц с психическими аномалиями (в пределах вменяемости). Их примерно 18–20%. Среди них особенно часто можно встретить отчужденных и дезадаптированных людей: само расстройство психической деятельности, во-первых, создает дистанцию между аномальными личностями и социальной средой; во-вторых, препятствует усвоению ими нравственных и правовых норм, что особенно заметно среди дебильных индивидов; в-третьих, аномальные правонарушители быстрее, чем «нормальные» лица, начинают совершать преступные действия. В целом их поведение намного хуже опосредовано нравственными и правовыми нормами, более спонтанно и труднее поддается саморегуляции и самоконтролю.

Изучение жизненного пути и особенно раннесемейных ситуаций преступников, в том числе их репрезентативный опрос, осуществленный с нашим участием, приводит к однозначному выводу, что неблагоприятные условия воспитания в семье, отчуждение от родителей, прежде всего от матери, по каким бы причинам это ни происходило, может иметь серьезное криминогенное значение. Но при этом надо подчеркнуть, что любые недостатки семейного воспитания, в частности, эмоциональное отвергание ребенка, не могут прямо и непосредственно приводить к совершению преступлений. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные жизненные ситуации, внимание и

забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения, скорректировать тем самым его поведение. Следовательно, преступное поведение лиц, отвергнутых родителями в детстве, может быть опосредовано их последующим опытом. Важно отметить, что указанные психотравмирующие факторы на ранних этапах онтогенеза при отсутствии благоприятных обстоятельств главным образом и формируют мотивы преступного поведения дезадаптированных личностей. Однако эти факторы сами по себе не могут, конечно, рассматриваться в качестве непосредственных побудителей, детерминант такого поведения.

В целом предлагаемая нами концепция ориентирована именно на социальные условия в детстве и на последующих этапах жизни, но в ее основе лежат особенности формирования психологии возможных преступников.

Тот аспект семейных отношений, которому придается исключительное значение и который является сейчас предметом рассмотрения, связан с невключением ребенка в эмоциональные семейные контакты. Между тем специфика и необходимость семейного воспитания, как известно, состоит прежде всего в том, что оно более эмоционально по своему характеру, чем любое другое воспитание, ибо «проводником» его являются родительская любовь к детям и ответные чувства (привязанность, доверие) детей к родителям. Ребенок, особенно в раннем возрасте, больше предрасположен к воздействию семьи, чем к любому другому воздействию. Представляя собой малую группу, своего рода социальный «микрокосмос», семья наиболее соответствует требованию постепенного приобщения ребенка к социальной жизни, ее нормам и правилам, поэтапного расширения его кругозора и опыта.

Качества, привитые с детства, очень прочны и активно воздействуют на весь процесс дальнейшего формирования личности, мотивов ее поведения, участвуя в сборе и оценке тех многочисленных влияний, которым каждодневно подвергается человек. Результатом действия этого своеобразного закона психологической «инерции» является то, что воспитывать человека всегда легче, чем перевоспитывать. Поскольку качества, привитые с детства, так или иначе сказываются в течение всей жизни человека, семья не только сама воспитывает, но и «удобряет» или, наоборот, «истощает» почву для последующего общественного воспитания. В раннем детстве, когда семья является монополистом в воспитании, формируются те элементы «автоматизма», которые свойственны поведению каждого человека.

Родители составляют центр вселенной ребенка, поэтому он испытывает острую потребность общения с ними. Его мир делится на «маму и папу» и на всех остальных и все остальное, причем первые играют ни с чем не сравнимую главную роль. Поскольку он еще не умеет отделить «Я» от «не-Я», в его «Я» включены и родители, прежде всего, мать. Отсутствие родителей, вообще людей, которые могли бы о нем заботиться и обеспечивать его жизнедеятельность, может ощущаться им (конечно, очень смутно) как отсутствие защиты и способствовать появлению страхов, в целом высокого уровня тревожности. Именно отсутствие родителей в структуре «Я» потом определяет, в частности, этот уровень, постоянно присутствующее беспокойство и формирование концепции не только враждебной среды, но и каких-то очень непонятных, очень размытых, но тем не менее реально ощущаемых разрушительных сил в глубинах собственной психики.

Поэтому человек так страшится совершать путешествия в собственные глубины, боясь встретить там чудовищ и демонов. Они могут возникнуть в качестве следов, оставленных родителями, но не только, конечно, монстров, например, доброго пастыря (заботливого отца) или доброй феи (нежной матери). И тех, и других он уже очень давно «выбрасывает» из себя в мифы, легенды, сказки.

В столь сильном влиянии семейного воспитания на эмоциональный мир человека не последнюю роль играет вся обстановка семейной жизни и, в частности, преимущественно эмоциональный характер взаимоотношений между родителями и маленькими детьми. Эмоциональные задатки, закладываемые в семье, в большей степени определяют будущий психологический склад человека, чем интеллектуальные задатки — последующее содержание его интеллекта.

Можно считать установленным, что формирование личности ребенка определяется соотношением между тем местом, которое он занимает в системе доступных ему человеческих отношений, с одной стороны, и теми психологическими особенностями, которые у него сформировались в результате предшествующего опыта, с другой. Именно из этого соотношения возникает та внутренняя позиция ребенка, т. е. та система его потребностей и стремлений (субъективно представленных в соответствующих переживаниях), которая, преломляя и опосредуя воздействия среды, становится непосредственной движущей силой развития у него новых психологических качеств.

Если «психологический центр» в лице матери, отца или любого заменяющего их лица не выполняет возложенные на него функции, у младенца вначале появляется ощущение своей незащищенности и беспокойства. Если ситуация его развития не изменится в лучшую сторону, подобные ощущения способны прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности и тревожности.

Если потребности ребенка другим человеком не удовлетворяются в надлежащей мере, а некоторые из них не удовлетворяются вообще, у него может не сформироваться потребность в других людях, в общении с ними, что явится следствием той дистанции, которая образовалась между ним и родителями на раннем этапе развития. Этим могут быть заложены основы будущего психологического отчуждения человека, его личностной позиции неприятия окружающей среды, непонимания ее и даже ожидания угрозы с ее стороны. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении берет начало в упомянутом сензитивном, т. е. наиболее чувствительном к влияниям окружающей действительности, периоде жизни.

В этот период ребенок наиболее чувствителен к определенным социально-психологическим воздействиям, к ожидаемым отношениям со стороны окружающих. При благоприятных условиях социальное окружение адекватно отвечает на сензитивность, устремленность к этим воздействиям индивида. Только при таком оптимальном соотношении характера воздействий с возникшей готовностью к их принятию возможно ожидать нормального развития отдельных сторон, полноценного функционирования личности в качестве активного члена общества.

По-другому складывается личность, у которой в те или иные сензитивные периоды возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей судьбы социально-психологические новообразования. Постепенно обобщаясь и углубляясь, становясь все более устойчивыми и ригидными, они деформируют лич-

ность, препятствуют формированию одних ее сторон, подчиняют себе другие. Начинается самостоятельное развитие подобных новообразований, обретающих собственную логику движения и становящихся стержневыми свойствами личности. Создаются аномальные структуры и искаженные контуры отдельных сторон, которые начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них подготовленные социальные воздействия, отфильтровывая их из массы одновременно действующих на человека факторов.

Роль отца, представляющего определенный тип поведения, а также источник уверенности и авторитета, осознается в более позднем возрасте, но существенна уже в ранние годы жизни ребенка. Если родители к ребенку не только безразличны и недостаточно внимательны, но еще явно отвергают его, отрекаются от него, иногда даже с очевидной жестокостью, то он оказывается в эмоциональной и социальной изоляции, подвергается грубому травмированию и вовлекается в конфликты, решать которые весьма трудно.

Представляются очень интересными результаты наблюдений некоторых зарубежных психологов за привязанностью ребенка к матери. Ее он выделяет по голосу очень рано, и она, как правило, является основным объектом привязанности, которая далее распространяется на отца, брата, сестер и т. д. Таким образом, у ребенка формируется привязанность сразу к нескольким объектам. Возникает вопрос: хорошо ли это? Можно предположить, что большое количество объектов привязанности должно отрицательно влиять на интенсивность привязанности к Основному объекту. Однако эмпирические исследования показали, что это не так. Чем благополучнее отношения между ребенком и матерью, тем прочнее контакт между ребенком и другими объектами привязанности. Этому дается следующее объяснение: чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод: именно альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что становится базой для расширения его позитивных контактов с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникновение ощущения угрозы, исходящей от среды.

Отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвергание в детстве, депривация в семье представляют собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социальное происхождение. Здесь нужно руководствоваться одним из основных принципов психологии, что каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внутренней, присущей отдельной личности), первоначально в своем развитии всегда является функцией интерпсихической (межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных гипотез данного исследования, а именно: криминологически значимые индивидуально-психологические особенности имеют свои аналоги в характере ранних внутрисемейных отношений.

Здесь мы не останавливаемся на объективных социальных причинах, влияющих на нравственно-психологические и социально-психологические отношения в семье, которые в свою очередь участвуют в формировании психической депривации ребенка. Однако несомненно, что такие причины существуют, поскольку семья множеством нитей связана как с иными сферами микросреды, так и с более широкими социальными процессами, находится в фокусе экономических, идеологических, нравственных и иных отношений.

Итак, нарушение первичных связей социализации, лишение ребенка необходимого эмоционального контакта с родителями предопределяет его дальнейшее социальное и психологическое отчуждение, что имеет криминогенное значение. Иными словами, он через семью не вводится в общество, а потому не отчужден от него.

Такой очень важный для криминологии вывод полностью подтверждается результатами осуществленного нами эмпирического исследования. Анкетный опрос законопослушных граждан и убийц показал, что, например, степень уверенности в любви матери в десять раз меньше среди вторых по сравнению с первыми. Среди законопослушных лиц значительно больше тех, кто уверен в своей любви к матери, чем среди преступников. Среди законопослушных оказалось больше людей, которые хотели быть вместе с отцом и матерью.

Аналогичными оказались результаты изучения с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) лиц, совершивших присвоение, растрату, кражи и убийства. Для выявления отношений с матерями и отцами были интерпретированы рассказы испытуемых по двум картинкам методики: № 6 («Пожилая женщина и молодой мужчина») и № 7 («Пожилой и молодой мужчины»). Рассказы по первой из них дают возможность охарактеризовать отношения с матерями, а по второй — с отцами.

Изучение показало, что примерно в 95% случаев отношения с матерями у преступников носят конфликтный характер, матери и сыновья плохо понимают друг друга, их контакты развиваются на фоне конфликтов со средой, ожидания несчастья. Типичны высказывания: «Что-то случилось», «Какое-то горе», «Они переживают большие неприятности» и т. д. Несколько иначе складываются отношения с отцами: сыновья находят общий язык с отцами, понимание и поддержку с их стороны в 45% случаев. Однако в остальных случаях между ними имеют место конфликты или непонимание друг друга. Характерно, что отдельные испытуемые вообще ничего не могли сказать об отношениях между «пожилой женщиной и молодым мужчиной» и «пожилым и молодым мужчинами». Это может свидетельствовать о том, что они вообще не представляют себе сущности и содержания контактов между родителями и детьми в силу невключенности. В том числе и потому, что не имели опыта общения с ними, особенно с отцами. Поэтому некоторые преступники не видят в пожилой женщине мать, а в пожилом мужчине — отца.

Попытаемся в заключение сделать некоторые выводы.

Отчуждение и одиночество могут быть следствием неблагоприятных влияний социальной среды, особенно семейной (раннесемейной), депривации родительского, в первую очередь материнского, эмоционального тепла.

Отчуждение и одиночество могут быть следствием субъективной предиспозиции личности, ее бессознательных стремлений, обусловленных особенностями

психики, в том числе унаследованными. Ярко выраженная самодостаточность, некоммуникативность и эмоциональная холодность в совокупности — безусловный показатель такой predisпозиции. Сталин и Гитлер — типичные самодостаточные и эмоционально холодные личности.

Отчуждение и одиночество могут быть результатом действия среды при субъективной предрасположенности к этому, т. е. совокупного влияния внешних и внутренних факторов.

Отчуждение и одиночество — не синонимы, хотя выражаемые ими явления тесно связаны между собой и могут существенно влиять друг на друга. Одиноким людям могут быть отнюдь не отчуждены, как и отчужденные — не одиноки. Отчуждение — это субъективная позиция по отношению к окружающему миру, а через него и к самому себе. Одиночество означает и физическое положение человека. Робинзон Крузо до появления Пятницы был совсем одинок, но не отчужден.

Для некоторых людей отчуждение столь же необходимо, как для других — постоянная принадлежность группе. Человек за свою многовековую историю привык не доверять другим, и это было условием его выживания. Он давно понял, что страшны не только дикие звери, наводнения или пожары, но и другие люди, не только враги, но и соплеменники. Страх — его вечный и неизменный спутник.

§ 3. Высокая тревожность, ощущение и переживание угрозы

Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, которые постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятное развитие которых тоже грозило ему. Он еще боялся тех, с кем вместе жил, охотился, работал, и боязнь здесь была отнюдь не безосновательной. Страхи древнего человека были связаны и с духами природы и животных, духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он страшился нападения других племен, колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Воспользуемся исследованиями Л. Леви-Брюля. Он писал, что первобытный человек никогда не в состоянии хладнокровно помыслить об окружающих его невидимых силах, об этих неуловимых влияниях постоянное присутствие и действие которых он замечает или подозревает. При одной мысли, что какая-нибудь из этих сил угрожает ему, он лишается самообладания от страха, если не уверен в своей способности отразить удар. Один эскимосский шаман Ауа сделал интересное сообщение о своей жизни Кнуду Расмуссену. Столь же искренне, сколь и умно откликнулся этот шаман на усилия знаменитого исследователя проникнуть в самые глубины эскимосского мышления. Чтобы выразить преобладание эмоциональных элементов в представлениях о невидимых силах, он нашел пленительную формулу: «Мы не верим, мы боимся... все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые нас окружают. Мы боимся всего, о чем говорится в преданиях и мифах наших предков».

Этот рассказ, записанный К. Расмуссеном, Л. Леви-Брюль называет уникальным, и он действительно таковой. В нем недвусмысленно, просто и в то же

время очень емко и глубоко изложены чувствования современного первобытного человека в плане его отношений с окружающим миром, точнее, его полной зависимости от него, неизменно и во всем внушающего страх.

Л. Леви-Брюль отмечает, что для эскимосов мир видимый и мир невидимый таят в себе одинаковые ужасы. Всюду их окружают угрозы страданий, голода, болезни и смерти, но у них нет ни малейшего представления ни о небесном провидении, ни о высшем божестве, чья попечительская отеческая благодать простирается на людей. Единственная возможность спасения заключается в том, чтобы сообразовать свое поведение со спасительными преданиями, унаследованными от минувших поколений. Поэтому упрямая, почти непреодолимая приверженность к традиционным предписаниям и табу, которую констатируют не только у эскимосов, но и у других обществ того же порядка, проистекает не из одного только желания угодить предкам и не прогневить их. Она рождается из страха, вернее, из того нагромождения страхов, для которого Ауа нашел столь сильные выражения. До тех пор пока сознание человеческое таким образом одержимо и заполнено этим страхом, оно в состоянии сделать лишь незначительные успехи в познании природы.

Множество свидетельств, приводимых Л. Леви-Брюлем, подтверждают слова эскимосского шамана, отмечая то место, которое принадлежит страху в том, что можно было бы назвать религией первобытных людей, если понимать этот термин в достаточно широком смысле. Вот эти свидетельства.

Когда-то на Таити ни одному самому ревностному служителю какого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект его поклонения и покорности может относиться к нему с любовью и благосклонно; да и сам он со всем его рвением и благочестием был чужд всякому чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был тайной причиной могущества богов, главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных служителей этих богов.

В Новой Зеландии весь маорийский ритуал находился под влиянием не любви к богам, а страха перед ними; даже к Ио, благодетельному божеству, маори питал нелюбовь, а благоговейный страх. Также обстояло дело и с нага в северо-восточной Индии. Туземцу из племени лота его религия представляется как серия церемоний и обрядов, закрепленных обычаям. Пренебрежение хотя бы одним из обрядов сопряжено с опасностью. Ао-нага, соседи лота, убеждены, что если они не принесут своим божествам всех причитающихся им жертв, те могут в любой момент погубить их посевы и наслать болезни.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы подумать, флером печали и тоски всю повседневную жизнь туземца. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни беспечности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое мгновение на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает из стольких различных направлений и в такой разнообразной форме, стоит ли о ней думать, раз угроза еще не воплотилась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство гнездится у него в подсознании и не мешает наслаждаться жизнью.

Оценивая обряды фетишизма в Южной Африке, Л. Леви-Брюль делает вывод, что совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, составляет

единственную действенную гарантию против всякого рода дурных влияний, внушающих опасения и страх. Исследователь ссылается на А. Швейцера, который считал, что фетишизм у первобытного человека родился из чувства страха. Первобытный человек хочет обладать талисманом против злых духов и покойников, против зловредной силы себе подобных. Он приписывает эту защитную, предохранительную силу некоторым предметам, которые он носит на себе или с собой. В верхнем Конго религия болоки покоится на том страхе, который внушают им многочисленные невидимые духи, окружающие их со всех сторон и постоянно старающиеся навлечь на них болезнь, несчастье или смерть. Единственная цель религиозных обрядов болоки — в том, чтобы обольстить, утихомирить, обмануть или даже припугнуть и убить этих духов, беспокоящих человека. Вот откуда берутся колдуны и знахари, их обряды, церемонии и талисманы. О багунде, живущих в соседнем районе, этнологам известно, что они находятся во власти закона страха: болезни, несчастья, смерти, всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми, либо духами. Вся жизнь язычника бергдама, племени в Южной Африке, от детства до старости отмечена страхом смерти.

Л. Леви-Брюль считает, что в представлениях первобытного человека о невидимых силах ведущую роль играют не черты, которыми эти силы определяются, а страх, внушаемый ими, и потребность в защите против них. Такие же выводы можно сделать и из исследований Д.Д. Фрезера о первобытной магии. В ее рамках совокупность позитивных предписаний составляет колдовство, совокупность негативных — табу. Дикарь уверен, что стоит ему поступить в соответствии с известными ему законами, неизбежно произойдут какие-то последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует.

В «Золотой ветви» Д.Д. Фрезера содержится множество примеров того, что страх всегда окружал первобытного человека, а его поклонение божествам, духам природы, жрецам, верховным правителям и т. д. преследовало одну цель — отвратить несчастья от народа. Так, дикари пребывали в уверенности, что порядок природных явлений и даже само существование мира связаны с жизнью верховного правителя или жреца, они видят в нем источник беспредельных благодетельных и бесчисленных опасностей.

Мы отнюдь не исключаем, что в немалом числе случаев первобытный человек увязал в запретах и предписаниях, как муха в патоке. Но это не означает, что они ему не были жизненно необходимы, поскольку весь мир внушал ему страх, в том числе его внутреннее «Я». Высокая тревожность поддерживалась и поддерживается его страхом и тревогой нарушить законы и предписания. Опасности не были призрачными от того, что были воображаемыми, поскольку и воображаемые вполне реально, как и физическое воздействие, могли убить его. Табу и указания, видоизменяясь иногда существенно, передавались из поколения в поколение, многие действуют и сейчас и, по-видимому, они бессмертны, составляя часть человеческой культуры. Поэтому мы должны быть признательны дикарям за их вклад в цивилизацию, в самые его истоки, в психологию и нравственность современного человека, тем более,

что это делалось на заре веков. В отличие от нас, они были сравнительно счастливы, поскольку сносно и рационально могли объяснить явления природы и их причины со своей, разумеется, точки зрения. Им все было ясно, и окружающий мир не представлялся загадкой, больше того, наши предки жили в тесном общении с ним и мириады душ волшебников, эльфов, духов, будучи проекциями их собственной души, были понятны им, хотя и внушали страх.

Первобытный страх перед чужаками и всем чужим не исчез и он лежит в филогенетической основе величайшего проклятия новейшей истории — воинствующего национализма и шовинизма, породивших германский нацизм и фашизм, этнорелигиозной нетерпимости, обусловившей современный терроризм и экстремизм. Первобытный страх перед чужаками и всем чужим провоцирует многие другие преступления.

Но со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего, человек перестал бояться диких животных, затем очень постепенно злых духов и магии, на смену которым пришли боги, впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами. В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем остается страх перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимым фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например, в России, их защита в этом отношении крайне неэффективна.

К. Ясперс имел все основания писать, что вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождает жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым.

Страх перед жизнью обращается и на тело, считает К. Ясперс. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает. Страх усиливается в связи с опасностью неизбежно исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и человек не ощущает абсолютной связи с другими. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма

и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха¹.

К. Хорни полагает, что тревога может скрываться за чувствами физического дискомфорта, такими, как сильное сердцебиение и усталость; за многочисленными страхами, которые внешне представляются рациональными и обоснованными; она может быть скрытой силой, толкающей нас к выпивке или погружению во всевозможные помрачения сознания. Часто мы можем наталкиваться на нее как на причину неспособности выполнять то или иное дело или получать удовольствие, и мы всегда обнаруживаем ее в качестве влиятельного фактора, стоящего за внутренними запретами.

Наша культура порождает в живущих людях огромную тревожность, констатирует К. Хорни. Следовательно, практически каждый построил ту или иную форму защиты. Чем невротичнее человек, тем сильнее его личность пронизана и скована такими защитами и тем больше вещей, которые он не способен и не пытается делать. Испытывая тревогу, он чувствует огромную и неотвратимую опасность, перед которой абсолютно бессилён, ощущая незащищённость перед ней. Иногда он ощущает ее как идущую извне, а в других случаях как исходящую из собственных неуправляемых импульсов².

Разумеется, в понятия тревожности, тревоги, страха, боязни и т. д. можно вкладывать самое разное содержание, и мы не видим свою задачу в том, чтобы дать приемлемые для всех определения соответствующих явлений. Отметим лишь, что есть особые субъективные эмоциональные переживания, часто имеющие бытийное значение. Полагаем, что тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого в свою очередь ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Нельзя не согласиться с К. Хорни, что наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современном мире с ее универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смысл и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использование преступного насилия. Они также понимают, что глобализация повышает риск стать жертвой терроризма, равно как и транснациональной организованной преступности.

Первый признак, отличающий человеческое существование от животного, имеет отрицательную характеристику, писал Э. Фромм. Это — относительная недостаточность инстинктивной регуляции в процессах адаптации к окружающему миру. Способ адаптации животных повсеместно один и тот же: если инстинктивное обеспечение перестает отвечать требованиям успешной адаптации к изменяющемуся миру, то соответствующий биологический вид вымирает. Животное адаптируется к изменяющимся условиям путем изменения самого себя, а не путем изменения окружающей среды. Таким образом, оно живет в полной гармонии с природой.

¹ См.: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 327–328.

² См.: *Хорни К.* Сбор. соч. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 312–313.

Происхождение же человека можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного, самостоятельного существа, это способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначить различные предметы и действия с помощью знаков и символов; это способность разумного постижения и понимания мира; это его способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек — самое беспомощное из всех животных, но именно эта его биологическая беспомощность — основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств¹.

Среди специфических качеств человека, в том числе призванных компенсировать его биологическую беспомощность, стала способность совершать действия защитительного характера. Некоторые из таких действий впоследствии были названы преступлениями. Разумеется, в любом поведении личности, в том числе преступном, инстинкты могли играть достаточно заметную роль. Нельзя сказать, что животные всегда жили в полной гармонии с природой, особенно тогда, когда создаваемые ею условия жизни для них заметно ухудшались. Что касается человека, то он иногда даже воевал с природой, настолько она была немилостива к нему. Возможно, конечно, что человеку было необходимо отчуждение от природы, чтобы почувствовать, насколько ему важно единение с ней, а это путь к единству с самим собой и всем человеческим родом. Поэтому он так важен для воспитания.

Но человек далеко не всегда может адаптироваться к природе или социальным условиям, изменить их так, чтобы обеспечить себе комфортное и спокойное существование. Это неизбежно вызывает его тревожность и страхи, ведет к утрате смысла жизни, отчуждению от людей. Он не может принять себя таким, он должен самоутвердиться и утвердиться в глазах ближайшего окружения, что должно вселить в него уверенность и снизить тревожность.

Например, так называемые сексуальные маньяки, убивающие жертв своих тревожных переживаний, как правило, несостоявшиеся мужчины, абсолютно неуверенные в своих биологических мужских возможностях. Они ненавидят женщин, считая их своими злейшими врагами и источниками своих бед и тягостных, психотравмирующих переживаний своей непростительной слабости, ненужности, выброшенности. Отсюда совершение особо жестоких убийств, глумление над потерпевшими.

К., 39 лет, в г. Череповце в лесополосе напал на 15-летнюю девушку, затащил ее в кусты, силой заставил выпить значительное количество водки, изнасиловал и задушил. Кроме полового акта в обычной форме, воткнул ей во влагалище искусственный предмет из дерева, выточенный им в форме мужского полового органа. Нанес ей ранение в область гениталий. После убийства закопал ее, лишь слегка прикрыв землей.

Весьма показательно, что до этого он дважды покушался на других девушек, но они смогли от него убежать.

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 45—46.

На первых допросах К. признался в совершенном убийстве, однако потом решительно отказался признавать свою вину в чем-либо, утверждая, что все это заговор милиции. Но виновность именно К. подтверждается тем, что во влагалище жертвы обнаружена его сперма; его вина косвенно подтверждается и тем, что две другие девушки уверенно опознали в К. мужчину, который напал на них.

Из материалов дела следует, что обвиняемый не женат, с женщинами не встречался, с ними половых отношений не имел. Сам он поясняет, что является импотентом, но это опровергается материалами дела, и, скорее всего, он является импотентом лишь частично. По показаниям свидетелей он физически неопрятен, нечистоплотен, часто агрессивен, склонен к созданию конфликтов.

Психологическое изучение показало, что он подозрителен, паранойялен, импульсивен. Подвержен различным страхам, из-за чего старательно запирает двери и занавешивал окна. У него резонерское мышление и склонность к рассуждательству, суждения непоследовательные, ригидные, часто паралогические и некритичные. Иногда высказывает сверхценные идеи паранойяльного содержания.

Можно высказать вполне обоснованное положение, что убийство, изнасилование и покушения на изнасилования совершены К. вследствие того, что он, находясь в достаточно жесткой социально-психологической изоляции и не имея контактов с женщинами, совершил указанные преступления. Ранения в область гениталий, которые он нанес потерпевшей, типичны для мужчин, которые являются сексуальными банкротами и для которых женский половой орган выступает в качестве символа их несостоятельности и испытываемых в связи с этим страданий и тревог.

Но есть еще множество и других социальных факторов, приводящих личность в состояние повышенной изматывающей тревоги: боязнь не состояться в жизни, происки конкурентов, несправедливое отношение властей (обычно в лице чиновников), непризнание со стороны тех, кто особенно ценим, в том числе любимой женщиной (мужчиной) или референтных групп, страх обеднеть, потерять работу, социальный статус, стать жертвой несчастного случая и т. д. Как мы видим, не только древний, но и современный человек имеет слишком много поводов для страха. Социальная среда — едва ли не самый важный источник его страхов в обыденное время. Изменились источники страха, но не исчез сам страх, как и тогда определяющий состояние тревожности.

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности и ущемленности, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему какого-либо иного человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой.

Личность нуждается в самоутверждении. Без этого она может не состояться. Среди прочих смыслов самоутверждение помогает человеку защитить себя от враждебных проявлений среды, поскольку он теперь имеет для этого возможность в самом себе, он становится для этого достаточен.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень

собственного достоинства. Однако это часто реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Самоутверждение характерно, например, для расхитителей и коррупционеров так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любым путем, в том числе преступным. Недостижение такого статуса, равно как и «падение вниз», для них катастрофа. Можно предположить, что ведущим, глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно даже уничтоженным средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать среде необходимое сопротивление.

Из названных уровней утверждения личности именно самоутверждение, по всей вероятности, имеет первостепенное значение, стимулируя жажду признания на социальном и социально-психологическом уровнях. Самоутверждаясь, человек чувствует себя все более независимым, раздвигает психологические рамки своего бытия, сам становится источником изменений в окружающем мире, делая его более безопасным для себя. Это дает ему возможность показаться в должном свете и в глазах ценимой им группы, и в глазах общества. Эти признания, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают индивиду внутренний психологический комфорт и ощущение безопасности. В конечном итоге все это порождается тревогой человека.

Среди взяточников и расхитителей можно встретить тех, кто стремится к утверждению на любом из перечисленных уровней. Среди воров, грабителей, разбойников и мошенников чаще всего обнаруживаются те, которые желают признания группы и (или) самоутверждения, т. е. утверждения на социально-психологическом уровне, и тем самым решения своих внутриличностных проблем, т. е. самоутверждения. Надо отметить, что среди воров в отличие от расхитителей мы не обнаружили лиц, которые стремились бы утвердить себя на социальном уровне (своей профессией, достижением должности, «деланием» карьеры и т. д.).

Иногда решение внутренних проблем достигается преимущественно путем самого факта совершения преступления. Здесь ценность похищенного как бы сдвинута на второй план. В этом случае преступное поведение носит явно компенсаторный характер, поскольку добытые материальные ценности не имеют первостепенного значения и практически могут даже не использоваться. Для преступников главным является, например, преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств и т. д. Тем самым обеспечиваются приятие самого себя, повышение уверенности в собственной личностной ценности, самоуважение и приобретение возможности доминирования над социальной средой, другими людьми.

Как видим, индивид, желая самоутвердиться, постоянно соотносит себя со своей средой, и вне ее его социальное существование невозможно. При этом среду следует понимать исключительно как среду данной личности, «мою среду», «мое жизненное пространство», «мою территорию». Вот почему «моя» жизнь

будет лучше и «мои» психологические проблемы будут успешнее решены, если это пространство будет значительно улучшено, освоено, укреплено, защищено. Можно сказать, что это одно из условий, причем наиболее существенное, бытия личности. Поэтому удивительно ли, что многие расхитители в личную территорию включают и место работы, особенно если они занимают руководящее кресло. Поскольку на этой территории решаются жизненно важные задачи, они не жалеют для нее сил и используют даже противозаконные средства для достижения производственных успехов. При этом лично для себя они могут не иметь весомых материальных выгод. Здесь улучшение производства означает не что иное, как улучшение своей психологической территории, условие формирования необходимого представления о самом себе, своей ценности, а значит, лучшей защищенности и получения возможности снижения уровня тревожности.

У разных категорий преступников уровень тревожности разный, к тому же у них разное содержание тревожности. Так, исследования В.В. Кулинича, осуществленные им в 90-х годах, показали, что наиболее высокий ее уровень среди убийц, ниже — среди воров. При этом у убийц тревожность носит скачкообразный характер, резко повышаясь в острых ситуациях, что им мешает достаточно хорошо контролировать свое поведение. Отсюда и относительно высокий уровень раскрываемости убийств, часто совершаемых в условиях очевидности. Тревожность среди воров хотя и ниже по сравнению с убийцами, но все-таки выше нормы. Однако она носит ровный характер, что позволяет им хорошо контролировать свое поведение, следить за изменениями ситуации, приспосабливаться к ним. Отсюда очень плохая раскрываемость краж, причем во всем мире.

Характерная психологическая черта насильственных преступников и особенно убийц заключается в том, что они постоянно ожидают агрессию, действительную или чаще мнимую: эта черта типична примерно для 60% убийц, обследованных нами. Она особенно явственно обнаруживается среди тех, кто совершил убийство в семейно-бытовой и досуговой сферах, в результате внезапно возникших конфликтов. Это дает основание считать подобных людей паранойяльными личностями.

Для индивида принадлежность к группе очень важна, поскольку такая принадлежность становится одним из аспектов его личности. В то же время он должен иметь возможность для межгруппового сравнения, но многим людям такая возможность не предоставляется, что особенно характерно для членов тех групп, которые отгорожены от других сообществ языковыми, религиозными и иными жесткими культурными барьерами. Люди в таких группах, как правило, зашорены и подвержены групповому нарциссизму, они не желают видеть и признавать никого, кроме представителей своей же группы, находя признание лишь в общем реве. Именно подобные люди становятся питательной почвой этнорелигиозного терроризма, из их числа вербуются и террористы-смертники. Поэтому за всех них нравственно-психологическую (а в некоторых случаях и юридическую) ответственность должны нести все члены их национальной или конфессиональной группы, в том числе и матери, которые воспитывают своих детей в убеждении, что только их нация и религия являются единственно возможными и уважаемыми, а представители всех других обязаны смириться с долей людей второсортных.

В этой связи необходимо отметить два взаимосвязанных обстоятельства.

В названном отношении к другим группам явственно проявляется первобытный страх — к людям другого племени или рода, к любому чужаку, поскольку неизвестно, кто он такой, что он задумал и что можно ждать от него. Поэтому надо быть готовым к защите, в том числе путем нападения.

В мировосприятии и современных представителей некоторых этнорелигиозных групп, даже очень больших, присутствует страх — не состояться, не выдержать конкуренции с другими группами, быть раздавленными ими. Так, исламский мир, построенный на культуре самой молодой из мировых религий, еще не обрел, по ощущениям его населения, в частности элиты, должного места в мире, не самоидентифицировался, он еще не знает, каким стратегическим путем ему идти. Поэтому его представители, испытывая высокую тревожность, постоянно нападают, защищаясь, но при этом все время допускают стратегические ошибки, восстанавливая против себя другие страны.

Многие преступники почти не способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного и разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений.

Почему некоторые люди испытывают неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в обществе?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не волнуют, других — лишь отчасти, а третьи — именно они нас и интересуют — почувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем существовании, поскольку не они владеют вожаемыми ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такие надежды напрасны, поскольку повышенная тревожность как фундаментальная черта их личности вновь будет порождать зависть, ревность и страх. Да, страх как желание удержать достигнутое и одному наслаждаться им, пользоваться вниманием, расположением и признанием.

Можно выдвинуть такие гипотезы.

Самый высокий уровень тревожности, когда ощущается угроза (реальная или мнимая) жизни или здоровью, может порождать совершение насильственных преступных действий, психологически носящих характер защиты. Параноические черты (подозрительность, мнительность, ригидность) в сочетании с отчужденностью наблюдаются, как показали конкретные исследования, именно среди насильственных преступников.

Более низкий уровень тревожности, в основном относительно своих социальных статусов, социальных состояний, получения удовольствия, а также связанных с переживаниями угрозы острой материальной нужды и бедности способен приводить к совершению корыстных преступлений.

ГЛАВА II НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ЛИЧНОСТЬ В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

§ 1. Общие положения о криминогенных влияниях на личность на стадии ранней социализации

Формирование личности, т. е. усвоение ею социальных ролей и правил поведения, развитие системы ценностей и мировоззрения начинается с самых ранних ступеней жизни человека, иными словами, от рождения. Период детства, в том числе, самого раннего, является наиболее сензитивным, т. е. особенно чувствительным к внешним влияниям в онтогенетическом развитии человека. В зависимости от отношения других к ребенку, он чувствует себя либо защищенным, либо нет. В последнем случае у него развивается, нарастает тревожность и потребность в защите, иногда такая сильная, что ему приходится мобилизовать для этого все свои силы.

Тревожность и потребность в защите становятся чертами личности, закрепляются в характере, частично уходя в бессознательное. Этот уход означает, что в дальнейшем они способны выступать в качестве мотивов поведения — скрытых, глубинных, смысловых, опять-таки на бессознательном уровне. Если в дальнейшем моральное воспитание личности ущербно, тревога и защита вполне могут проявить себя в виде преступления.

Ощущая угрозу себе, человек начинает думать, что люди, все или очень многие, недостойны доверия и уважения, любви и дружбы, от них следует обороняться любыми способами, в том числе преступными. Одним словом, окружающий мир предстает угрожающим, подлым, гадким, несущим разрушение, поэтому и защищаться от него следует, не особенно разбираясь в средствах. Отсюда агрессия, корни которой следует искать в детстве, когда ребенок не чувствовал себя защищенным ни родителями, ни другими людьми, но ведь тогда он нуждался в опеке, любви и помощи так, что это наложило отпечаток на всю его жизнь.

Проведенные мною в разные годы конкретные криминологические исследования личности виновных в совершении насильственных преступлений против детей до 12 лет показывают, что в разные годы своей жизни они подвергались оскорблениям и унижениям со стороны родителей или лиц, их заменяющих, во всяком случае, действия последних они воспринимали именно так. Соответствующие переживания уходят в бессознательное, как бы забываются,

но не исчезают из психики, ведя автономное существование. Затем эти вытесненные переживания вдруг вспыхивают, когда возникает ситуация, хотя бы отдаленно похожая на ту, которая была в далеком детстве. Особенно часто они приводят к совершению разрушительных действий, когда человек находится в нетрезвом состоянии; действия нередко направлены против детей и иногда создается впечатление, что субъект, убивая ребенка, на психологическом уровне тем самым совершает самоубийство.

Можно считать установленным, что отсутствие эмоционального тепла в отношениях с ребенком, невключение его в позитивную психологическую матрицу семейных отношений, а тем более, отвергание может самым роковым образом отразиться на его будущей жизни, стать началом подлинной катастрофы. У подавляющего числа людей, которые впоследствии совершили насильственные преступления, детство было именно таким. Родители отвергали их в явной форме: жестоко обращались с ними, унижали их человеческое достоинство, выгоняли из дома, не выполняли самые элементарные обязанности, такие как кормление и т. п. Повествование об этом периоде жизни даже у лиц старших возрастов почти всегда эмоционально окрашено, в нем «виноватые» родители получают самые нелестные эпитеты и оценки, выражается нежелание когда-либо видеть их. Рассказывают об этом с такими эмоциями, словно все произошло совсем недавно.

Негативное отношение родителей к ребенку и подростку, особенно если оно было сопряжено с истязаниями и побоями, способно порождать у уже взрослого человека мотивы мести за такое отношение, если связанные с этим переживания до сих пор носят актуальный, психотравмирующий характер.

Убивают родителей не только потому, что в детстве они были жестки с будущим убийцей, избивали его, открыто унижали и издевались над ним, выгоняли из дома и т. д., но и в тех случаях, когда отвергание носит скрытый характер. Последнее означает, что внешне все выглядит благопристойно, забота и попечение вроде бы налицо, в чем, кстати, отец и мать могут быть искренне уверены, но настоящей любви и тепла ребенок не ощущает. Он чувствует себя покинутым и никому не нужным. В лучшем случае он является объектом гиперопеки, назойливого и жесткого контроля, при котором очень мало учитываются его желания и интересы. Его жизнь в семье становится как бы формальной, он просто пребывает в ней. Если обнаруживается, что отец и мать были неродными, это становится жутким ударом даже для вполне взрослого человека. Но вместе с тем у него, можно сказать, открываются глаза: он начинает понимать, почему они относились к нему плохо, причем нередко преувеличиваются проявленная по отношению к нему несправедливость и нанесенные ему обиды. Родители, родные и неродные, оказываются виноватыми во всем, что произошло с ним, во всех его неудачах и срывах, с ним, уже далеко не подростком.

Б., 27 лет, в процессе ссоры с женой (Ириной) нанес ей удар топором по затылку и несколько ударов ножом по телу, отчего она скончалась на месте. Вскоре в квартиру пришли его родители, которые сразу же обнаружили труп, тогда Б. тем же топором зарубил их, все три трупа уложил на диван.

Следствием установлено, что в тот день в 15 часов, после состоявшегося полового акта Ирина, встав с постели, сказала мужу, что он ее никак не устраивает и она найдет себе другого парня. «Меня это сильно задело, я очень разволно-

вался, — пояснил Б. следователю, — тем более, что накануне я видел, как Ира, работавшая официанткой в кафе, целовалась там с клиентом».

О себе преступник рассказал следующее: «Моя жизнь проходила трудно. Во всем. С жильем, работой. Закончил 8 классов и ПТУ. Отец работал токарем, домой денег приносил мало, из-за чего с матерью ругались почти каждый день. Когда был маленький, били часто, очень часто: мать ремнем, отец за уши таскал. Отец бил мать, а мать его. Меня они не ласкали, сказки не рассказывали, подарки, правда, делали, пару раз водили на елку, я все помню. Хотели меня куда-нибудь сплавить, даже в психбольницу, участкового подговаривали, подговаривали потом и жену, она была с ними заодно. Ей участковый сказал, что «если что, звони мне». Она ему и жаловалась. Она моя единственная женщина за всю жизнь. Я начал с ней жить, когда мне было 16 лет, ей — 14 с половиной. Была ли она девственницей, не знаю. После как поженились, она много раз говорила мне, что изменяет мне. Говорила потому, чтобы заодно с родителями посадить меня, так как за эти признания я ее бил. Меня в милицию поэтому забирали часто, один раз дали 10 суток, это когда пожаловались родители. Я ей предлагал разойтись, но она отказалась, поскольку я требовал, чтобы она ушла к себе домой. Я думаю, что она стоворилась с матерью изжить меня скандалами и оставить квартиру ей с ребенком. Обзывала меня тряпкой, немужиком; у меня действительно не всегда получалось в постели с ней, но других женщин у меня не было. Вообще друзей у меня давно нет, был один в школе, но когда я ушел из 8-го класса, наша дружба распалась. Часто менял место работы, обычно сама работа не нравилась, тяжело было, уставал».

Б. субъективно ощущал себя в безвыходном положении, в осаде, в одиночку отбивался от врагов, которые в лице родителей и жены окружили его со всех сторон и не случайно он их сложил вместе, друг на друга. Мира вне семьи у него попросту не было, поскольку он не работал и друзей не имел. Закономерно, что он стал агрессивным и постоянно прибегал к насилию. В 1988 году в нетрезвом состоянии учинил хулиганские действия, нанес удары участковому, тому самому, который, как он считал, был заодно с его родителями и женой. За два года до их убийства он узнал, что был неродным сыном, это оказалось для него весьма чувствительным ударом, и агрессивность его существенно возросла. Он стал чаще прибегать к рукоприкладству, в том числе дома, а за полгода до описываемых событий в нетрезвом состоянии так жестоко избил собутыльника, что тот от побоев скончался. Об этом стало известно в ходе следствия по делу об убийстве Б. жены и родителей.

Анализ данного преступления, как и всех других, ни в коем случае не следует рассматривать в качестве попытки оправдания преступника, убившего четверых. Подобная попытка была бы заведомо обречена на провал, поскольку ничто не в состоянии обелить столь чудовищные действия. Мы лишь объясняем поведение Б. путем исследования его личности и жизни. Жена, которую он считал единственным близким человеком, постоянно изменяла ему, о чем совершенно не стеснялась говорить, что свидетельствует о ее презрении к мужу, и собиралась уйти от него; родители оказались неродными, и ему стало ясно, почему они так плохо относились к нему и все время хотели избавиться от него. Он постоянно пьянствовал, не работал и опускался на дно.

Конечно, далеко не каждый, кого родители унижают и оскорбляют в детстве и юности, решится на такой святотатственный поступок, как убийство отца или матери. Это бывает очень редко. Но все же тот, кто избивает своих детей, гонит из дома или «просто» не любит, должен подумать над тем, что, быть может, роет этим свою собственную могилу.

Важно подчеркнуть, что если у ребенка не удовлетворяются эмоциональные потребности, то у него может не сформироваться потребность в общении с людьми как следствие существования дистанции, образовавшейся между ним и родителями на раннем этапе жизни. В результате эмоциональной депривации (лишения) закладываются основы будущего социального и психологического отчуждения индивида, непонимания и неприятия им окружающей среды и ее ценностей и даже ожидания угрозы со стороны окружающего мира. Неразвитость социальной по своему происхождению потребности в общении начинается в наиболее чувствительном периоде жизни человека.

Обобщаясь и углубляясь, названные социально-психологические образования становятся все более устойчивыми и ригидными, деформируют личность, приобретают стержневой характер, начинают самостоятельно развиваться. Создаются аномальные личностные структуры, которые затем начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них предуготовленные, социальные воздействия, отфильтровывая их из массы других. Эти структуры, а тем более вся структура личности в целом, ею не осознаваемы, поэтому возможности управления своим поведением весьма ограничены.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является не единственной причиной формирования агрессивных и иных антиобщественных установок личности. Нередко это происходит и иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но последние как раз и демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, отдавая предпочтение насильственным способам решения возникающих проблем, грубости и жестокости как повседневным образцам поведения. Подросток сравнительно легко все это усваивает, поскольку у него наличествует эмоциональный контакт с теми, кто подобное демонстрирует ему постоянно. Усвоенное начинает стимулировать его поведение.

Криминогенные последствия может иметь и то, что ребенка не приучают к выполнению своих обязанностей по отношению к другим, причем невыполнение их носит грубый, связанный с унижением другого, характер. Есть и другие криминогенные факторы семейного воспитания, но следует сосредоточиться на отчуждении ребенка как наиболее значимом явлении.

Отсутствие или значительное обеднение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, с которого начинается дальнейшая дезадаптация. Отвергание в детстве, таким образом, представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социально-психологическое происхождение.

Семья, включая детей в свою психологическую структуру, обеспечивает тем самым их первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. «через себя»

вводит их в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от него и в будущем вероятно его дальнейшее отдаление от нравственных ценностей. В таком случае непроведение специальных воспитательных мероприятий может способствовать стойкому дезадаптивному существованию, сопровождаемому совершением преступлений для его поддержания. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку эти условия субъективно будут восприниматься как чуждые для данного индивида, не соответствующие его ведущим бессознательным мотивационным тенденциям.

Отвергание родителями ребенка может принимать формы безразличия, недостаточного внимания и эмоциональной холодности. Оно может протекать явно, даже грубо и цинично, в форме издевательств, оскорблений, побоев, непроявления элементарной заботы, открытого пренебрежения родителями своими обязанностями. В случае скрытого отвергания (оно может не осмысливаться и самими родителями), при внешнем внимании и заботе, обычно жестком контроле и опеке эмоциональные контакты также отсутствуют. Взрослея и пытаясь обрести психологический комфорт, ребенок, а затем подросток, начинает искать связи в неформальных группах сверстников, часто создающихся на антиобщественной основе. Такие группы обычно состоят именно из отвергнутых детей, они ищут и находят в этих объединениях коллективного отца, которого не смогли обрести в собственной семье, и не случайно так быстро попадают под влияние старших и более опытных людей. Поэтому стремление войти в подобные группы чрезвычайно велико, психологические связи в них крепки, несовершеннолетние легко усваивают групповые ценности и нормы, обычно расходящиеся с социально одобряемыми.

Выводы о криминогенной роли эмоциональной депривации ребенка в формировании мотивов будущего преступного поведения основываются на известном положении о том, что семья имеет центральное значение для развития личности. Каждый ее член естественным, спонтанным образом выполняет определенную роль в удовлетворении жизненных потребностей ребенка. В первый период — это мать, которая за ребенком не только ухаживает, но и предоставляет ему первые интенсивные эмоциональные стимулы, нянча его на руках, лаская, улыбаясь ему, разговаривая с ним.

Значение отца, представляющего определенный тип поведения, символ организации, а также источник уверенности и авторитета, осознается в более позднем возрасте, но оно существенно уже в ранние годы. У насильственных преступников, по моим наблюдениям, в детстве часто складывалась такая ситуация: властная, строгая, неласковая мать и слабохарактерный, безвольный отец, к тому же постоянно пьющий. На помощь такого отца подросток обычно не рассчитывает, даже если его часто обижают сверстники, а иногда очень жестоко избивают. Более того, он не может найти психологическую опору в отце и в последующей жизни.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод; альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что помогает ему расширить позитивные контакты с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникновение ощущения угрозы, исходящей от среды, даже страха смерти.

Отметим следующее обстоятельство, важное для понимания любого поведения, преступного в особенности. Давно замечено, что человек, испытывающий психологический комфорт, редко задумывается над тем, что именно и какие внешние обстоятельства вызывают столь приятное состояние. Иное дело существование, даже кратковременное пребывание в психотравмирующих условиях. Здесь, напротив, он начинает искать то, что мешает ему жить, причиняет беспокойство, доставляет неприятные переживания. Этот поиск психологически накрепко связывает его с окружающими личностями и событиями, ставшими источником его бед. Если неблагоприятное влияние длительно, то со временем индивид попадает в жесткую зависимость уже от собственных переживаний по поводу указанных внешних обстоятельств. Такая зависимость начинает определять его поведение, и именно она качественно отличает преступников, в первую очередь насильственных, от непроступников. Остро, но однозначно реагируя на нежелательные воздействия среды, правонарушитель не видит иного выхода из создавшейся ситуации, кроме преступного.

Чем выше зависимость человека от собственных переживаний и чем болезненнее они, тем вероятнее совершение им безнравственных поступков. Есть основания думать, что эта личностная особенность формируется в раннем детстве, если ребенок лишен естественной родительской (в первую очередь материнской) теплоты и защиты. В этом случае он ищет причины своего беспокойства и тревоги, с этих позиций оценивает складывающиеся ситуации и со временем попадает под определяющее влияние тех психотравмирующих переживаний, которые возникают в неблагоприятных условиях.

Следует подчеркнуть, что отчуждение ребенка не фатально приводит к преступному насилию. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения и тем самым скорректировать его поведение. Однако психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств главным образом и формируют мотивы преступного поведения отчужденных личностей. Поэтому эти факторы могут рассматриваться в качестве первопричин, исходных побудителей такого поведения.

Таким образом, условия раннего воспитания ребенка обязательно сказываются на всей его жизни¹. Это воспитание, с точки зрения предъявляемых к нему требований, должно максимально обеспечить адаптацию личности к условиям социальной жизни и выполнению социальных норм, в первую очередь нравственных. Криминогенное влияние на личность ребенка или подростка заключается в стихийном или целенаправленном формировании антисоциальных,

¹ Э. Эриксон очень точно заметил, что ребенок точно также контролирует и воспитывает свою семью, как и она его. Семья может воспитать ребенка только в том случае, если сама будет воспитана ребенком. Развитие ребенка состоит из серии вызовов, которые он бросает своему окружению для того, чтобы оно обеспечило развитие его впервые возникающих потенциальностей, связанных с социальным взаимодействием. (См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 105).